

Филип ПУЛМАН

ОДНАЖДЫ НА СЕВЕРЕ

Потрепанный грузовой воздушный шар вылетел из шторма над Белым морем, быстро теряя высоту и качаясь в сильном северо-западном ветре, а в это время пилот обрезал лопасти и пытался отрегулировать газовый вентиль. Пилот был худощавым молодым человеком с большой шляпой и тонкими усами, в настоящее время он направлялся к базе компании Баренцева моря, координаты которой были записаны на порванном клочке бумаги, прикрепленном к нактоузу гондолы. Он мог видеть, что база расположена около небольшого порта впереди группы административных зданий, ангара, склада, мастерских, цистерн с бензином и различного газового оборудования. Все это приближалось с невероятной скоростью, и пилот должен был немедленно внести корректировки во все, чем мог управлять, чтобы избежать столкновения с крышей ангара и достичь открытого пространства за складом.

Газовый вентиль застрял. Нужен был гаечный ключ, но единственным подручным инструментом был старый грязный револьвер, который пилот вынул из кобуры на поясице и бил им по вентилю до тех пор, пока тот внезапно не поддался, выпустив больше газа, чем было нужно. Воздушный шар осел, внезапно накренился и нырнул вниз, заставляя броситься врассыпную группу мужчин, обступивших сломанный трактор. Гондола врезалась в землю, отскочила и потащила оставшийся позади полупустой воздушный шар по незастроенному пустырю, пока наконец не остановилась всего в паре метров от цистерны с бензином.

Пилот осторожно отпустил веревку, за которую держался, поразмыслил, как лучше подняться на ноги и только после этого, отодвинув ящик для инструментов и вытерев масляную воду, которая успела попасть ему в глаза, осторожно встал.

— Ну, Эстер, похоже, что мы начинаем осваиваться, — сказал он. Его деймон, который был похож на маленького злобного американского зайца, щелкнул ушами, высвобождаясь от нагромождения различных приборов, теплой одежды, сломанных инструментов и веревки. Все это было насквозь мокрое.

— Мои чувства слишком глубоки, чтобы описать их, Ли, — сказала она.

Ли нашел свою шляпу и вылил из нее всю дождевую воду прежде, чем надеть на голову. Затем он обратил внимание на наблюдавших за ними мужчин возле трактора. Ими были два работника газового завода, один закрывал руками голову, ошеломленный внезапным спасением; другим был изумленный клерк в рубашке с длинными рукавами, стоявший в дверном проеме административного здания.

Ли весело помахал им и развернулся, чтобы привести в порядок то, что осталось от воздушного шара. Он гордился этим воздушным шаром. Он выиграл его, играя в покер, за шесть месяцев до этого, в Техасе. Ему было двадцать четыре года, он был готов к приключениям, и счастлив летать везде, куда бы ни занес его попутный ветер. Эстер напомнила ему, что пора взяться за работу; он не собирался лететь куда-либо еще.

Унесенный случайными ветрами, с небольшой помощью первой части изодранной книги под названием Элементы Воздушной Навигации, которую его противник по игре в покер добавил бесплатно (вторая половина отсутствовала), он дрейфовал в Арктику, останавливаясь везде, где можно было найти работу, и в конечном счете приземлился на этот остров. Нью Оденсе был похож на место, где была работа, а карманы Ли почти совсем опустели.

Он работал в течение часа или двух, чтобы привести шар в порядок и затем, изображая равнодушие, свойственное королю воздуха, он побрел к административному зданию, чтобы заплатить за хранение воздушного шара.

— Вы прибыли сюда за топливом? — осведомился клерк за прилавком.

— Он прилетел сюда для того, чтобы взять несколько уроков полета, — сказал человек, сидящий у камина,

медленно потягивая кофе.

— О, да, — сказал клерк. — Мы видели, как вы приземлились. Впечатляюще.

— Какое топливо у вас есть? — спросил Ли.

— Ах, — сказал клерк, подмигивая, — все в порядке, вы нас разыгрываете. Я оценил ваше чувство умора. Вы ничего не слышали от меня о какой-либо нефтяной лихорадке. Я мог сказать, что вы хам, но я не скажу ни слова. Вы работаете на Ларсен Мангэнез?

— Я — аэронавт, — сказал Ли. Именно поэтому у меня есть воздушный шар. Вы собираетесь дать мне квитанцию?

— Пожалуйста, — сказал секретарь, проштамповал квитанцию и передал ее.

Ли сунул ее в нагрудный карман жилета и спросил:

— Что такое Ларсен Мангэнез?

— Крупная горнодобывающая компания. Вы богаты?

— Похоже на то?

— Нет.

— Ну вот, вы сами разобрались во всем, — сказал Ли. — Есть еще что-нибудь, что я должен узнать прежде, чем пойду и потрачу все свои деньги?

— Таможня, — сказал секретарь. — За главными воротами.

Ли нашел таможню и офис налогового управления достаточно легко и заполнил форму, инструктируемый молодым, но строгим офицером.

— Я вижу, что у вас есть оружие, — заметил офицер.

— Это противозаконно?

— Нет. Вы работаете на Ларсен Мангэнез?

— Я нахожусь здесь всего пять минут, а вы уже второй человек, который спрашивает меня об этом. Я никогда не слышал о Ларсен Мангэнез до того, как приземлился здесь.

— Удачно, — сказал таможенник. — Откройте свою сумку, пожалуйста.

Ли предоставил сумку и ее скудное содержимое для осмотра. Эта процедура заняла около пяти секунд.

— Спасибо, мистер Скорсби, — сказал служитель. — Было бы неплохо помнить, что единственным истинным представительством закона здесь, на Нью Оденсе, является Управление таможни и доходов. Здесь нет никакой полиции. Это означает, что если кто-то нарушает закон, то мы разбираемся с ним, и, позвольте мне заверить вас, делаем это без колебаний.

— Рад слышать, — сказал Ли. — Я постараюсь не нарушать ваши законы.

Он закинул сумку на плечо и отправился в город. Был конец весны, снег был грязен, а дорога изрыта выбоинами. Здания в городе были построены в основном из дерева, которое, должно быть, было завезено, так как остров не был богат деревьями. Единственными исключениями, которые Ли мог заметить, были здания, построенные из какого-то темного камня, который делал атмосферу в центре города скучной и в некотором смысле гнетущей: угрюмого вида часовня, ратуша, и банк. Несмотря на разбушевавшийся ветер, запахов в городе было предостаточно, в основном благодаря промышленным производствам: здесь были очистительные заводы для рыбьего жира, тюленьего жира и нефти, была кожевенная фабрика и завод по засолке рыбы. Различные испарения от всех них с жаром атаковали нос Ли и его глаза, когда ветер принес их аромат на узкие улочки.

Но самым интересным здесь были медведи. Впервые, когда Ли случайно увидел одного, пытавшегося, неуклюже сторбившись, выбраться с аллеи, он не мог поверить своим глазам. Гигантский, покрытый мехом цвета слоновой кости, бесшумный: абсолютно невозможно было понять, о чем он думает, но нельзя было не заметить огромную силу в этих конечностях, этих когтях, этом выражении нечеловеческого хладнокровия на лице. Дальше в городе было гораздо больше таких же существ, они собирались в небольшие группы на углах улиц, спали в переулках и иногда работали: тянули телеги или поднимали каменные блоки на стройплощадке.

Горожане не обращали на них внимания, за исключением тех случаев, когда огромные животные преграждали им дорогу на тротуаре. Ли заметил, что они старались даже не смотреть на них.

— Люди хотят притвориться, что их нет, — заметила Эстер.

По большей части медведи игнорировали людей, но несколько раз Ли видел выражение угрюмого гнева в паре маленьких черных глаз, или слышал низкое и быстро подавленное рычание, чтобы освободить дорогу хорошо одетой женщине, с надеждой ожидающей своей очереди. Но и медведи, и люди расступались, когда несколько мужчин в темно-бордовой униформе прогуливались по центру тротуара. У них были пистолеты и полицейские

дубинки, и Ли предположил, что они из Таможенного управления.

В целом это место было наполнено напряженностью и беспокойством.

Ли был голоден, поэтому выбрал дешевый на вид бар и заказал стакан водки и немного соленой рыбы. Помещение было переполнено, а воздух задымлен, и если люди в этом городе не были совсем уж раздражительны, то в помещении определенно назревала ссора. В углу комнаты разговор явно шел на повышенных тонах, кто-то стучал кулаком по столу, и бармен внимательно следил за развитием событий, обращая на свою работу ровно столько внимания, сколько требовалось, чтобы вовремя наполнять стакан Ли без напоминания.

Ли знал, что начинать расспросы прямо сейчас — верный способ попасть в беду. Именно поэтому он пытался не обращать на спорщиков никакого внимания, но любопытство все же взяло верх и он, только приступив к рыбе, как бы невзначай поинтересовался у бармена:

— Чем вызвана такая яркая дискуссия?

— Тот рыжеволосый ублюдок, Ван Бреда, не может наставить парус и уплыть. Он голландец с корабля, пришвартованного в гавани, не может получить свой груз со склада. Он уже свел всех с ума своими жалобами. Если не заткнется, то вскоре я выставлю его отсюда.

— О, — сказал Ли. — Почему они не отдают ему груз?

— Я не знаю. Вероятно, он не внес плату за хранение. Кому какое дело?

— Понятно, — сказал Ли, — Я думаю, он заплатит.

Он неторопливо развернулся и облокотился на стойку позади. Рыжеволосый мужчина был примерно лет пятидесяти, коренастый и сильно возбужденный, настолько, что, когда один из мужчин за столом попытался похлопать его по плечу, он яростно отдернул руку, опрокинув при этом стакан. Увидев, что натворил, голландец схватился за голову — это походило больше на отчаяние, чем на ярость. Затем он попытался успокоить мужчину, пиво которого он пролил, но что-то снова пошло не так и он ударил руками по столу и неистово закричал.

— Это безумство! — сказал голос около Ли. — Он может заработать себе сердечный приступ, не правда ли?

Ли повернулся и увидел худошавого, мужчину в выцветшем черном костюме, который был слишком велик для него.

— Может быть, — ответил аэронавт.

— Вы иностранец?

— Я просто пролетал здесь...

— Воздухоплаватель! Как интересно! Что ж, наверное, дела в Нью Оденсе действительно налаживаются. Бурные времена!

— Я слышал, что на острове обнаружили месторождение нефти, — сказал Ли.

— Действительно. Весь город просто трепещет от волнения. Вдобавок ко всему, на этой неделе пройдут выборы мэра. Такого количества новостей не было в Нью Оденсе уже несколько лет.

— Выборы? А кто кандидаты?

— Действующий мэр, который не победит, и очень способный кандидат по имени Иван Дмитриевич Поляков, который и будет избран. Он находится на пороге большой карьеры. Он поместит наш небольшой городок на карту! Он использует должность мэра как ступеньку должностной лестницы. Следующей подобной ступенькой должно стать место в Сенате Новгорода, а затем, кто знает? Он будет в состоянии перенести свою анти-медвежью кампанию на материк. Но вы, сэр, — продолжил он, — что побудило вас посетить Нью Оденсе?

— Я ищу работу. Как вы и сказали, я — воздухоплаватель по профессии...

Он заметил взгляд другого мужчины, блуждавший в районе пояса под одеждой Ли. Прислонившись к барной стойке, Ли приоткрыл пальто, обнаружив тем самым револьвер, который хранил на поясице и еще пару часов назад использовал в качестве молотка.

— И, как я вижу, воин, — сказал другой.

— О, нет. В любом бою я пытаюсь избежать кровопролития. Это — что-то вроде украшения. Черт, я даже не уверен, что знаю, как им пользоваться, эй, что это — револьвер, или что-то...

— О, а вы еще и невероятно остроумны!

— Проясните для меня кое-что, — сказал Ли. — Только что вы упоминали анти-медвежью кампанию. Итак, я

только что прибыл сюда через весь город и не мог не заметить медведей. Они интересны мне, потому что я никогда не видел никого похожего прежде. Они вольны бродить повсюду, где им вздумается?

Худощавый мужчина поднял свой пустой стакан и попытался выцедить еще пару капель перед тем, как со вздохом вернуть на барную стойку.

— Позвольте мне угостить вас, — сказал Ли. — Объяснять новые для незнакомца вещи — чрезвычайно трудная работа. Что вы пьете?

Бармен достал бутылку дорогого коньяка, у Ли не было выбора, а вот Эстер не могла скрыть раздражение.

— Очень любезно, сэр, очень любезно, — сказал худой мужчина, деймон-бабочка которого несколько раз взмахнула крыльями, сидя на плече. — Позвольте мне представиться. Я Оскар Сигурдссон — поэт и журналист. А вы, сэр?

— Ли Скорсби, наёмный аэронавт.

Они обменялись рукопожатиями.

— Вы говорили мне о медведях, — продолжил Ли, кинув взгляд на свой стакан, который был почти пуст, и он не собирался его наполнять.

— Да, действительно. Никчемные бродяги. Медведи в эти дни, к сожалению, совершенно не походят на прежних. Когда-то у них была великая культура, грубая, конечно, но по-своему прекрасная. Каждый преклоняется перед истинным варваром, не испорченным излишней деликатностью и слабостью. Некоторые наши легенды рассказывают о подвигах короля медведей. Я и сам некоторое время назад работал над поэмой в старом размере, которая расскажет о падении Рагнара Локиссона — последнего великого короля Свальбарда. Я был бы рад продекламировать её для вас...

— О, я хотел бы послушать — торопливо сказал Ли; — я чрезвычайно неравнодушен к хорошей поэзии. Но, возможно, в другой раз. Расскажите мне о медведях, которых я видел на улицах.

— Бродяги, как я говорю. Многие из них мусорщики и алкоголики. Все они очень неприятные типы. Они крадут, они пьют, они лгут и мошенничают...

— Они лгут?

— Можете мне поверить...

— Вы подразумеваете, что они говорят?

— О, да. Вы не знали? Они были квалифицированными мастерами, они могли сделать из металла всё что угодно, но только не это поколение. Все, что им можно доверить теперь — это грубая сварка и прочая черновая работа. Броня, которую они сейчас делают груба, уродлива...

— Броня?

— В пределах города, естественно, им запрещено ею пользоваться. Они делают её по частям в течение юности. К тому времени, когда медведь вырастает, у него есть полный комплект. Но, как я уже говорил, это грубое никчемное барахло, совсем не похожее на то, что их предки делали раньше. Фактически, в настоящее время они просто паразиты, отбросы умирающей расы, и было бы лучше для всех нас, если бы...

Он не закончил предложение, поскольку в этот момент терпение бармена лопнуло, и он выскочил из-за стойки с тяжелой палкой в руке. Предупрежденный людьми вокруг, рыжеволосый голландец встал и, пошатываясь, попытался повернуться, его лицо было бледно красного цвета, глаза сверкнули и он замахнулся, но бармен поднял свою палку и был готов убить капитана, когда вмешался Ли.

Он вскочил между мужчинами, схватил голландца за запястья и сказал:

— Теперь, господин бармен, вам не нужно бить пьяного человека; есть лучший способ разрешить эту проблему. Пойдем, капитан, выйдем на свежий воздух. Это место плохо влияет на цвет твоего лица.

— Что вы, черт возьми, делаете? — закричал бармен.

— Да ведь я — ангел-хранитель капитана. Вы все еще хотите испробовать эту палку в деле?

— Да я разнесу твою проклятую голову на куски!

Ли отпустил запястья голландца и повернулся лицом к бармену.

— Попытайтесь и увидите, что будет, — сказал он.

В баре стояла мертвая тишина, все замерли. Даже капитан только мигал и расплывчато смотрел на небольшой тупик перед ним. Ли был абсолютно готов к драке, и бармен видел это; через несколько мгновений он опустил палку и угрюмо буркнул:

— Ты тоже. Убирайся.

— Это все, чего мы хотели, — сказал Ли. — Теперь посторонитесь.

Он взял руку моряка и повел его через переполненный бар. Как только дверь за ними захлопнулась, Ли услышал выкрик бармена:

— И не возвращайся!

Капитан покачнулся и прислонился к стене, затем моргнул и пристально взглянул на Ли.

Кто ты? — спросил он — Нет, мне все равно. Иди к черту.

Он заковылял прочь. Ли посмотрел ему вслед и почесал в затылке.

— Мы здесь даже часа не пробыли, — сказала Эстер, — а нас уже выгнали из бара.

— Да, еще один успешный день. Но черт возьми, Эстер, нельзя бить пьяного человека палкой!

— Надо найти постель, Ли. Сохраняй спокойствие. Не говори ни с кем. Думай позитивно. Держись подальше от неприятностей.

— Хорошая идея, — сказал Ли.

Недолгая прогулка по темным улицам Нью Оденсе привела аэронавта к старому пансиону около порта. Он заплатил владелице за недельное проживание и питание и положил сумку на кровать, прежде чем уйти на поиски подработки.

С моря дул прохладный свежий ветер, и Ли застегнул пальто и поправил шляпу, прежде чем вышел из переулка перед самым портом. Он увидел череду магазинов, обращенных к морю — лодочная, магазин одежды, несколько мрачных баров и небольшой кирпичный офис местного Управления таможни и доходов с развевающимся над крышей красно-белым флагом. От каждого конца этой набережной причал вытягивался вперед, образуя длинную защищенную гавань примерно в сто пятьдесят ярдов длиной. В дальнем конце, на небольшом мысе, возвышался маяк.

Ли смотрел на лодки в гавани, подводя для себя некоторые итоги. Для города, поглощенного нефтяной лихорадкой он не выглядел излишне оживленным. Справа на пристани пришвартовался угольный танкер, он глубоко опустился в воду, видимо, потому, что еще не был разгружен; и только кран с той же стороны, напоминавший огромную паровую машину, работал над установкой новой грот-мачты на корабле. На корабле столпилось большое количество мужчин, гораздо большее, чем то, которое требовалось для смены мачты, и каждый считал своим долгом высказать свою точку зрения. Казалось, что уголь будет разгружен не ранее, чем завтра.

На причале слева было два меньших крана, первый загружал бочки с рыбьим жиром на борт небольшого парового судна. Второй кран разгружал древесину, сложенную высоко на палубе другого. За ними находилась шхуна, на которой абсолютно ничего не происходило, и Ли догадался, что это судно несчастного капитана Ван Бреда, которое не может быть нагружено. Ли даже не видел никого на палубе. У судна был жалкий вид.

Вдоль каждого причала располагались кирпичные склады, а недалеко от левого притаилась группа офисных зданий, включавших в себя и резиденцию владельца гавани. В нескольких шагах от неё отдыхал катер, несколько далее стоял большой паровой буксир; если бы не он, торговля могла бы надолго остановиться.

Ли остановился около дома, позвонил в звонок и вошел, прочитав медную табличку около двери.

— Добрый день, мистер Огард, — сказал он. — Я пришел сюда, чтобы посмотреть, нет ли у вас работы для меня. Моя фамилия Скорсби и у меня есть воздушный шар, оставшийся на хранении в складе. Есть вероятность того, что кому-нибудь здесь требуются услуги аэронавта, как вы думаете?

Владельцем гавани был пожилой мужчина с мрачным и осторожным выражением лица. Его деймон-кот приоткрыл глаза и тут же с презрением сомкнул их.

— Бизнес в упадке, мистер Скорсби, — сказал старик. — У нас есть четыре судна, работающие в гавани, и когда они отплывут, то торговля остановится минимум на неделю. Смутные времена.

— Четыре судна? — переспросил Ли. — Мои глаза, должно быть, обманули меня. Я видел пять.

— Четыре.

— Тогда мои глаза действительно нуждаются в лечении. Я видел трехмачтовую галлюцинацию в конце восточного причала.

— На восточном причале, впрочем, как и на западном, никакие работы не ведутся. Хорошего дня, мистер Скорсби.

— И вам хорошего дня, сэр.

Он и Эстер вышли. Ли потер челюсть и посмотрел налево, вдоль причала, где все еще стояла покинутая шхуна.

— Не нравится мне это судно. Слишком уж тихое, — сказал он. — Оно похоже на корабль-призрак. Должно же быть хоть что-то, что могла бы делать команда. Ладно, пошли посмотрим, можно ли тут купить что-нибудь.

Он побрел к бакалее, где, по крайней мере, крайне неприятный запах рыбьего жира и горелой кожи сменялся запахом чистой просмоленной веревки. Мужчина за прилавком читал газету, и он лишь на мгновение оторвался от своего занятия, когда зашел Ли.

— Добрый день, — поздоровался аэронавт. Никакого ответа.

Ли прогуливался по магазину, смотрел на все и, как обычно, видел множество нужных вещей, но мог позволить себе лишь малую часть из них. Он очень удивился ценам, но, вспомнив, что этот остров покрыт льдом шесть месяцев в году, понял природу заоблачной стоимости товаров.

— Как идут выборы? — поинтересовался аэронавт у продавца, склонившегося над газетой. — Господин Поляков станет мэром?

— Вы хотите приобрести что-нибудь?

— Возможно. Но я не вижу ничего, за что мог бы расплатиться.

— Ну, я не продаю газеты.

— Тогда хорошего дня, — попрощался Ли и вышел.

Он прогуливался по городу. Безоблачное утреннее небо наполнилось грозowymi тучами, которые принес резкий северный ветер. В поле зрения аэронавта было лишь три человека: две женщины с корзинами и старик с палочкой. Группа медведей, заметив Ли, остановила свою беседу и с любопытством наблюдала за ним. После того, как аэронавт минул их, они продолжили разговор. Голоса медведей были настолько низкими, что Ли даже чувствовал их подошвами ног.

— Это самое холодное, самое вонючее и самое недружелюбное место, где когда-нибудь ступала моя нога, — сказал Ли.

— Не стану спорить, — отозвалась Эстер.

— Что-то должно произойти.

Но в этот день все было спокойно.

Ужин подали в гостиной пансиона, мрачном месте с небольшим обеденным столом, железной печью, полкой религиозных книг и небольшой коллекцией избитых пыльных настольных игр с названиями вроде Опасности полюса, Флип-флоп и Мистические животные. Сама еда состояла из тушеной баранины и яблочного пирога. Пирог был неплох. Рядом с Ли также ужинали фотограф из Осло, чиновник Института Экономики в Новгороде и молодая женщина по имени мисс Виктория Ланд, которая работала в публичной библиотеке. Она была столь же симпатична как картина, если это была картина благородной молодой женщины непоколебимой прямооты и серьезности. Она была высока, стройна и ее светлые волосы были плотно связаны в пучок. Ее белая блузка с длинными рукавами была застегнута на шее. Она была первой молодой женщиной, с которой Ли говорил с в течение месяца.

— Таким образом, вы - библиотекарь, мисс Ланд? Какие книги читают жители Нью Оденсе?

— Совершенно различные.

— Я мог бы взглянуть завтра сам. Есть книга под названием Элементы Воздушной Навигации, которую я действительно хотел бы закончить читать. Где ваша библиотека, мисс Ланд?

— На Аланд-сквер

— Действительно, на Аланд-сквер. Вы давно там работаете?

— Нет.

— Понятно. Так вы, я предполагаю, недавно получили образование?

— Да.

— И... Нью Оденсе ваш родной город?

— Нет.

— Тогда я полагаю, что мы оба здесь гости, как вы думаете?

Это не вызвало никакой реакции, но ее демон, ласточка, посмотрел на Эстер со спинки стула, широко расправил крылья, а затем снова сложил их, сопровождаемый взглядом аэронавта.

Но Ли упорно продолжал разговор.

— Не хотите ли немного пирога, мисс Ланд?

— Спасибо.

— Вы знаете, прямо после ужина я хотел бы прогуляться по набережной и посмотреть, что инициативные граждане Нью Оденсе предлагают в качестве ночного развлечения. Я полагаю, что вы не будете так любезны составить мне компанию?

— Нет, не буду.

Мисс Ланд немедленно встала из-за стола, еда была закончена, и как только она ушла, другие двое мужчин долго смеялись над Ли и хлопали его по плечу.

— Тринадцать! — воскликнул фотограф.

— Я насчитал двенадцать, — возразил экономист, — но вы победили.

— Двенадцать чего? — непонимающе моргнул Ли.

— Слов, которых вы смогли из нее вытянуть, — пояснил фотограф. — Я держал пари, что она скажет больше чем десять, а Михаил сказал, что меньше.

— Осторожно, Ли, — пробормотала Эстер.

— Так вы, господа, имели спортивный интерес? — сказал Ли, не обратив никакого внимания на ее замечание.

— Это наилучшая вещь, с которой я сегодня столкнулся. Что вы скажете о партии в карты, теперь, когда от этой восхитительной трапезы остались лишь воспоминания, а наша беспристрастная спутница оставила нас? На крайний случай, не хотите ли вы рискнуть сыграть со мной в Флип-флоп?

— Ничто не смогло бы доставить мне большее удовольствие, — ответил фотограф, — но я еще должен сфотографировать директора местной школы и его семью. Я не могу позволить себе опоздать.

— А что касается меня, то я иду на встречу в ратуше, — сказал другой мужчина. — Выборы мэра подходят к кульминации. Я должен видеть, чем это закончится.

— Ну, жизнь в этом городе бьёт ключом, — сказал Ли. — Я могу только сдерживать своё любопытство.

— Не хотели бы вы присоединиться ко мне в аудитории? — предложил экономист.

— Я был бы очень вам признателен, — ответил Ли, и демон-малиновка другого мужчины задергал хвостом.

Выборы были, безусловно, очень популярны среди населения. Мужчины и женщины пробивались вверх по грязной улице к ратуше, ярко освещенной газовыми лампами. Ли заметил с удовлетворением: если источник газа располагается на острове, то можно будет в любой момент без особых усилий наполнить шар и улететь, если, конечно, он сможет заплатить за это. Люди были одеты солидно, и Ли тоже попытался не упасть в грязь лицом, вплоть до того, что надел свой единственный галстук; все оживленно переговаривались.

— Выборы в Нью Оденсе всегда так популярны? — спросил Ли у своего спутника.

— На этих выборах решается слишком многое, — сказал экономист, которого звали, как Ли уже успел выучить, Михаил Иванович Васильев. — Фактически, именно поэтому я здесь. Моя академия очень интересуется этим мужчиной, Поляковым. Раньше он был сенатором, но теперь он не очень любит вспоминать об этом. Он подал в отставку после одного финансового скандала и теперь использует выборы мэра, чтобы реабилитироваться.

— О, это так? — удивился Ли, наблюдая за шумной толпой на ступеньках и, заметив стюардов в форме, добавил: — Я вижу, что здесь довольно много таможенников. Возможны беспорядки?

— Таможенников?

— Громилы в темно-бордовой униформе.

— О, они не таможенники. Это — охрана из Ларсен Мангэнез.

— Я продолжаю слышать это название... Кто они?

— Очень крупная корпорация горной промышленности. Если Поляков станет мэром, то она будет процветать. Ходят слухи, что компания вступила в противостояние с таможней; это происходит всюду в северных частных компаниях, вторгающихся в общественную сферу. Они называют это безопасностью, на самом же деле то, что они имеют в виду, представляет угрозу для общества. Я услышал, что у них есть серьезное оружие, которое они держат в секрете. Они могут, к примеру, спровоцировать бунт и безбоязненно использовать его... Тот джентльмен зовет вас.

Они были наверху лестницы, подводящей к главным дверям, но не могли продвинуться дальше из-за давки. Ли повернулся, чтобы взглянуть, куда указывает Васильев, и увидел, что поэт Оскар Сигурдссон усиленно машет руками, подзывая его.

Ли помахал в ответ, но Сигурдссон замахал еще более усердно.

— Лучше пойти и посмотреть, что он хочет, — сказал Ли и начал пробиваться через толпу.

Деймон-бабочка Сигурдссона обеспокоенно крутил головой, а поэт сиял от счастья.

— Мистер Скорсби! Как я рад вас видеть! — сказал он. — Мисс Полякова, я могу представить вам мистера Скорсби, знаменитого аэронавта?

— Знаменитого, у моего хвоста, — пробормотала Эстер, но молодая мисс возле Сигурдссона сразу проявила к Ли интерес. Ей было приблизительно восемнадцать лет, и она была полной противоположностью накрахмаленной мисс Ланд: щеки её были розовыми, глаза большими и черными, губы мягкими и красными, а волосы были массой темных завитков. Ее демон был мышью. Ли с нескрываемым удовольствием поцеловал её руку.

— Рад познакомиться, — сказал он, и поклонился настолько, насколько это было возможно в бушующей толпе.

Сигурдссон сказал что-то.

— Прошу прощения, мистер Сигурдссон, — сказал Ли. — Я был неспособен сконцентрироваться на ваших словах из-за глаз мисс Поляковой. Держу пари, что десятки молодых людей со всех концов севера мечтали бы пристально взглянуть в ваши глаза, мисс Полякова.

Она позволила векам упасть на мгновение, как будто в скромности, а затем пристально посмотрела на Ли из-под ресниц. Сигурдссон ущипнул его за руку.

— Мисс Полякова — дочь выдающегося человека, кандидата в мэры, — сказал он.

— О, это правда? Мы сможем послушать его речь сегодня, мисс?

— Да, — сказала она, — я думаю, он подготовил речь.

— Кто его соперники на этих выборах?

— О, я не знаю, — сказала она. — Я думаю двое мужчин, или, возможно, один.

Ли пристально взглянул на неё, пытаясь приглушить Эстер, ворчащую у него под пальто. Была ли эта девушка действительно так глупа, или просто хорошо притворялась? Она улыбнулась снова, как бы дразня его. Хорошо! Если она хотела играть, Ли был в настроении для этого.

Пробка около двери была очищена, и толпа начала продвигаться вверх по лестнице, сопровождаемая сотрудниками службы безопасности Ларсен Мангэнез. Мисс Полякова споткнулась, и Ли подал ей руку, которую она с готовностью приняла. Тем временем Сигурдссон, переместившись на противоположную сторону лестницы, говорил что-то, но Ли не мог разобрать его слов в шуме толпы. Если говорить честно, то он и не слишком прислушивался, потому что, чем ближе он подбирался к мисс Поляковой, тем больше узнавал о тонком цветочном аромате, который она носила, или, возможно, это был аромат ее волос, или лишь сладкий запах молодого тела, прижатого к его груди. Так или иначе, Ли был опьянен.

— Что вы сказали? — неохотно спросил он у Сигурдссона.

Поэт нетерпеливо жестикулировал Ли, чтобы тот повернулся, как будто хотел заpastись уверенностью.

— Я сказал, что вы могли бы быть полезны для отца Ольги, — пробормотал Сигурдссон, когда они вошли в главный зал. Это место было обставлено деревянными стульями, а платформа, расположенная в центре комнаты, была украшена флагами и баннерами с лозунгом: «ПОЛЯКОВ ДЛЯ ПРОГРЕССА И СПРАВЕДЛИВОСТИ».

— Я его даже не видел, — ответил Ли.

— Я представлю вас после собрания.

— Хорошо... спасибо.

Отношение Ли к отцам состояло в том, что он предпочитал держать их на расстоянии. Отцы не хотели бы, чтобы их дочери делали то, что сейчас было в голове у Ли. Но прежде, чем он успел подумать об оправдании, он

оказался в первом ряду, где все места были заняты.

— О, я не могу сидеть здесь, — возразил он. — Эти места для важных гостей!

— Но вы - важный гость! — лукаво сказал поэт, и девушка добавила: — О, действительно, останьтесь, мистер Скорсби!

— Проклятый дурак, — пробормотала Эстер, но только Ли услышал ее, как она того и хотела.

Они едва сели, когда тучный чиновник вышел на сцену и объявил, что они закрывают двери, потому что слишком много людей хотят услышать речь кандидата, а зал уже абсолютно заполнен, и они не могут впустить никого больше. Ли осмотрелся и увидел, что люди стояли глубоко сзади и вдоль стен аудитории.

— Ваш отец, без сомнения, очень популярный человек, — сказал он мисс Поляковой. — Какова его главная политика? Что он собирается сделать, когда придет к власти?

— Медведи, — пролепетала она с тонкой дрожью, и лицо её скривилось в выражении огромного ужаса.

— О, медведи, да, — вспомнил Ли. — Ему не нравятся медведи?

— Я боюсь медведей, — ответила она.

— Ну, это понятно. Они... ну, они ведь довольно большие, в конце концов. Я никогда не имел дело с вашими особыми арктическими медведями, но однажды в Юконе меня преследовал гризли.

— О, как ужасно! Он поймал вас?

И еще раз Ли почувствовал, как будто пропустил нижнюю ступеньку в темноте: она действительно настолько глупа? Или она делает это нарочно?

— Ну, он догнал меня, — ответил он, — но оказалось, что это старый лесоруб, он всего лишь хотел одолжить сковородку, чтобы приготовить лосося. Я с радостью помог ему в этом, и мы сидели без дела, рассказывали небылицы за ужином. Он выпил мое виски и выкурил мои сигары, мы обещали поддерживать контакт. Но я потерял его адрес.

— О, как жаль, — сказала она. — Но, вы знаете...

Ли почесал в затылке, но был избавлен от того, чтобы придумывать ответ, потому что в этот момент на сцену вышла группа из трех мужчин, и весь зал встал, чтобы приветствовать и аплодировать. Ли не был исключением и встал, чтобы не показаться невеждой. Он начал искать в толпе своего знакомого из пансиона, но среди всех этих лиц, ярких, разгоряченных, среди глаз, пылающих от энтузиазма, не мог разыскать его.

Когда они снова сели, Сигурдссон сказал:

— Замечательный прием! Многообещающе, не правда ли?

— Никогда не видел ничего подобного, — ответил Ли.

Он откинулся назад и стал прислушиваться к речам.

Вскоре после этого, его, казалось, разбудил рев возбужденной толпы. Приветствия, рукоплескания, крики одобрения, отражались эхом от стен большого деревянного зала, когда Ли, непонимающе моргая, стал хлопать вместе с остальными.

На сцене стоял Поляков в черном пальто, с тяжелой бородой и красными щеками, один его кулак лежал на трибуне, а другой он держал на сердце. Его глаза ярко сверкали, а демон, очень похожий на ястреба, но Ли никогда раньше не видел такой породы, сидел на трибуне и поднимал крылья, пока они не раскрылись до конца.

Ли прошептал Эстер, завернутой в пальто:

— Сколько времени я спал?

— Не считала.

— Ну, черт возьми, что этот дипломат говорил?

— Не слушала.

Он украдкой взглянул на Ольгу и заметил, что ее спокойный любящий взгляд был недвижимо направлен на отца. Выражение лица Ольги не изменилось даже тогда, когда кандидат внезапно ударил по трибуне кулаком, заставив тем самым своего демона взлететь и пролететь несколько кругов вокруг его головы, прежде чем расположиться на плече Полякова.

— Это должно возыметь эффект, — подумал Ли, но Эстер бормотала: — Как долго они репетируют это перед зеркалом?

— Друзья, — кричал Поляков. — Друзья и граждане, друзья и люди, мне не нужно предупреждать вас об этом коварном вторжении. Мне не нужно предупреждать вас, потому что каждая капля человеческой крови в ваших

человеческих венах уже предупреждает вас инстинктивно, что не может быть никакой дружбы между людьми и медведями. И вы знаете точно, что я имею в виду, и вы знаете, почему я должен говорить именно так. Не может быть никакой дружбы, не должно быть никакой дружбы, и при моем правлении, я обещаю вам, положив руку на сердце, не будет никакой дружбы с этими жестокими и бесчеловечными...

Остальная часть предложения была потеряна, поскольку, должно быть, предназначалась именно для того, чтобы потонуть в шуме, криках и свисте, которые поглотили его, словно большая волна.

Поэт уже был на ногах, размахивая руками над головой от волнения, и кричал: «Да! Да! Да!»

С другой стороны от Ли дочь кандидата хлопала в ладоши как маленькая девочка, её жесткие пальцы были обращены в одном направлении, когда она соединяла ладони.

Казалось, что речь подошла к своему завершению, потому что Поляков и его люди покидали сцену, а другие начинали пробиваться вдоль рядов стульев, собирая пожертвования.

— Не давай этому ублюдку ни цента, — сказала Эстер.

— Даже если бы я и хотел этого, то не нашел бы денег, — пробормотал Ли.

— Разве это не великолепно? — восхищенно прокричал Сигурдссон.

— Это самая яркая ораторская речь, которую я когда-либо слышал, — ответил Ли. — Многое из этого застряло в голове, хотя я и не знаю местной ситуации, но он умеет убеждать, и это факт.

— Следуйте за мной, и я представлю вас. Господин Поляков будет рад познакомиться.

— О, нет, нет, — торопливо проговорил Ли. — Было бы неправильно отнимать время у человека, ведь я даже не смогу за него голосовать.

— Нисколько! На самом деле, я знаю, что он очень хочет встретиться с вами, — сказал Сигурдссон, понизив голос для большей конфиденциальности и крепко схватив аэронавта за рукав — У него есть для вас работа, — прошептал он.

Одновременно Ольга сжимала другой рукав Ли.

— Мистер Скорсби, действительно, поезжайте и встретьте папу! — сказала она. Её глаза были настолько велики и настолько искренни, ее губы настолько мягки, а помимо глаз и губ были ещё тонкие завитки волос и сладкое сердце, что Ли почти потерял рассудок и поцеловал ее тут же. Какое значение имело то, что её мозг был размером с виноградинку? Ведь это не мозг был у него в руках. У ее тела был свой собственный вид интеллекта, так же, как и у его, и эти тела могли многое сказать друг другу. Голова кружилась; он был полностью убежден.

— Ведите меня к нему, — уверенно сказал он.

В комнате за сценой находилась группа мужчин с бокалами и горящими сигарами в руках, а в центре этой группы стоял Поляков. Небольшая обшитая деревом комната была наполнена смехом и ревом поздравлений.

Как только Поляков увидел свою дочь, он покинул своих товарищей и схватил ее в объятия.

— Тебе понравилась речь отца, моя маленькая конфетка? — поинтересовался он.

— Это было замечательно, папа! Все были в восторге!

Ли огляделся. На столе около камина лежала модель странно выглядящего оружия — своего рода мобильное орудие на бронированном грузовике — и Ли было любопытно изучить его вблизи, но ближайший мужчина увидел пристальный взгляд аэронавта и стремительно накрыл модель куском сукна. Ли догадался, что это то самое оружие, о котором говорил Васильев и очень жалел о том, что так заинтересованно взглянул на него и даже не успел толком изучить его. В этот момент он снова почувствовал прикосновение руки поэта, повернулся и услышал слова Сигурдссона кандидату:

— Иван Дмитриевич, — сказал поэт, — Интересно, могу ли я представить вам мистера Скорсби из Техаса?

— О да, папа, — поддержала поэта Ольга. — Мистер Скорсби рассказывал мне об очень неприятных медведях, которые живут в его стране...

Поляков погладил дочь по щеке, вынул сигару изо рта, и пожал руку Ли в кости — ломающий захват. Ли почувствовал это и отплатил той же монетой, на том их соревнование и завершилось.

— Мистер Скорсби, — сказал Поляков, обнимая Ли за плечо и отводя его в сторону, — рад встрече, действительно рад. Мой хороший друг Сигурдссон рассказал мне все о вас. Вы — человек, которому

сопутствует удача — я могу сказать это. Вы — человек действия — я вижу это. Вы — пронизательный судья — я ощущаю это. И если я неправ, то прямо сейчас вы можете поправить меня. Действительно ли я прав?

— Во всех деталях, сэр, — ответил Ли. — Каково ваше предложение?

— Люди вроде меня, — объяснил кандидат, понизив голос, — время от времени оказывается в большой опасности. Этот город очень чувствителен к малейшему раздражению, мистер Скорсби, нестабильное и непредсказуемое место для каждого, кто разжигает страсти просто из интереса и, как ни прискорбно говорить это, из обиды и неприязни. Ах, да, в их числе, например, находятся некоторые личности, которые боятся и презирают мою принципиальную позицию по вопросу медведей. Я не должен говорить ничего больше, — добавил он, крепко высморкавшись. — Я уверен, вы понимаете, что я имею в виду. Я не буду забегать вперед, но есть те, кто может попытаться сместить меня, силой, если это будет необходимо. И я не боюсь встретить силу силой. У вас есть оружие, мистер Скорсби. Готовы ли вы использовать его?

— Вы подразумеваете, что хотите встретить их силу моей? — удивился Ли. — Рад слышать, что вы не боитесь сделать это, господин Поляков. Какую работу вы хотите мне предложить?

— Есть ситуация в гавани, которая срочно нуждается в решении, и я думаю, что вы — тот самый человек, который может разрешить её. Понимаете, есть вещи, которыми могут заняться официальные органы, и другие вещи, которые требуют работы специалиста менее публичного рода. Есть человек, который пытается сбежать с э... с предметом спорной собственности, и я хочу, чтобы кто-нибудь стоял на страже и, в случае необходимости, остановил его.

— Чья же это все-таки собственность?

— Как я и сказал, это оспаривается. Это не должно волновать вас. Все, что вы должны сделать — это удостовериться в том, что предмет остается на складе до того момента, пока адвокаты не сделают свою работу.

— Понятно. И сколько вы заплатите?

— Вы попали прямо в точку, мой друг. Позвольте мне предложить...

Но прежде чем Ли смог услышать то, что Поляков собирался предложить, Эстер судорожно ударила его в грудь и сказала: "Ли!"

Ли сразу же понял, что она имела в виду, он уже смотрел в ту же точку: за Полякова на высокого худощавого мужчину, отдохавшего около камина, руки его были сложены, одна нога опиралась ступней на стену позади. Он курил трубку, а его деймон, гремучая змея, обернулся вокруг шеи и свернулся в свободный узел. Выражение его лица было абсолютно недоступно, но черные глаза смотрели прямо на Ли.

— Я вижу, вы уже нашли подходящего человека, — сказал Ли.

Поляков бросил взгляд через плечо.

— Вы знаете мистера Мортон? — удивился он.

— Только его репутацию.

— Позвольте мне представить вас. Мистер Мортон! Подходите, если хотите.

Мужчина оторвал свою длинную физиономию от стены и медленно побрел по комнате, не доставая трубку изо рта. Он был одет довольно изящно: черное пальто, узкие брюки, высокие сапоги. Ли мог видеть очертания оружия на бедрах.

— Мистер Мортон, это — наш новый партнер, мистер Ли Скорсби. Мистер Скорсби, мистер Пьер Мортон.

— Ну, мистер Поляков, — сказал Ли, игнорируя Мортон, — Я думаю, что вы забегаете вперед. Я передумал. Никакие деньги не смогут заставить меня связаться с подобным мужчиной.

— Как вас зовут? — спросил Мортон у Ли. — Я не расслышал.

Его голос был глубок и тих. Его деймон-змея поднял подобную драгоценному камню голову и пристально смотрел на Эстер. Ли погладил Эстер большим пальцем и снова пристально взглянул на Мортон.

— Скорсби — мое имя. И всегда было. Тем не менее, когда я видел вас в прошлый раз, вас не звали Мортон. Вы использовали имя МакКонвилл.

— Я никогда не видел вас прежде.

— Это значит лишь то, что у меня более острое зрение, чем у вас. И лучше бы вам не забывать об этом.

К этому времени все голоса в комнате затихли, а лица повернулись к мужчинам. Напряженность между ними заставила всех остальных замолчать, и даже Поляков держался как-то неуверенно, его взгляд метался от одного мужчины к другому, как будто он искал способ вернуть так внезапно ушедшее лидерство.

Ольга прервала неловкое молчание первой. Она ела маленький пирог и ничего не заметила. Вытерев губы, она спросила так громко, как будто все остальные еще говорили:

— В вашей стране водятся медведи, мистер Мортон?

Мортон-МакКонвилл, наконец, моргнул и повернулся к ней лицом. Его демон продолжал пристально смотреть на Эстер.

— Медведи? — ответил он. — Да, я полагаю, что водятся, мисс.

— Печально, — сказала она с детской дрожью в голосе. — Папа пытается избавиться от всех медведей.

Поляков пожал плечами по одному, как боксер, ослабляющий свои мускулы, и сделал шаг вперед, чтобы противостоять Ли непосредственно.

— Я думаю, вам лучше уйти, Скорсби, — сказал он.

— Уже в пути, Сенатор. Счастливо оставаться.

— Не называйте меня так!

— О, прошу прощения. Когда я вижу самодовольного хвастуна, я, естественно, предполагаю, что он — Сенатор. Легко сделать ошибку. Доброй ночи, мисс.

Ольга к этому времени поняла, что атмосфера изменилась, и ее прекрасное тусклое лицо обращалось к Ли, к её отцу, затем к Мортону и снова к Ли. Никто кроме Скорсби не обратил на это внимания, а он с сожалением улыбнулся и отвернулся. Но лицо Поляковой не было последним, на которое Ли обратил внимание в этой комнате, как и лицо Мортон. Последним было лицо притаившегося на краю толпы Оскара Сигурдссона, поэта и журналиста, и оно ярко выражало волнение и ожидание.

— Таким образом, мы решили, на чьей стороне? — спросила Эстер, когда они вошли небольшую холодную спальню в пансионе.

— Черт, Эстер, — сказал Ли, бросая свою шляпу в угол комнаты, — почему я не могу держать рот на замке?

— У тебя не было выбора. Тот ублюдок точно знал, где мы видели его прежде.

— Ты так считаешь?

— Без сомнения.

Ли снял ботинки и вынул револьвер из кобуры на поясе. Он попытался покрутить барабан, но для этого требовалось приложить слишком большие усилия, и аэронавт лишь с раздражением покачал головой: у него не было никакой смазки. За исключением молотка, Ли не использовал оружие с той самой дождливой ночи, и проклятая вещь стала ржаветь. Сейчас аэронавт находился на острове, который вонял всеми мыслимыми видами масла, но у него не было ни капли, чтобы смазать револьвер.

Он положил оружие около кровати и лег спать с Эстер, беспокойно переминающейся на подушке.

Пьер МакКонвилл был наёмным убийцей с минимум двадцатью убийствами за плечами. Ли столкнулся с ним в Дакоте. Летом, до того, как он выиграл свой воздушный шар в покер, Ли работал на владельца ранчо по фамилии Ллойд. Там был пограничный конфликт, который разразился незначительной войной с пол дюжиной мужчин, убитых прежде, чем его уладили. В ходе этого конфликта конкурент мистера Ллойда нанял МакКонвилла, чтобы убрать одного за другим всех его людей. Он убил троих, прежде чем жандармы Рэпид-Сити поймали его. Двоих он застрелил вдали от ранчо и мог бы остаться незамеченным, но совершил ошибку: поссорился с молодым Джимми Парлеттом, племянником Ллойда из-за карт, или из-за выпивки, но, так или иначе, Пьер застрелил его перед свидетелями. Правда, он заставил их всех говорить, что мертвец напал на него. Но ошибка состояла в том, что один из свидетелей изменил показания и говорил правду.

МакКонвилл позволил арестовать себя с видом человека, выполняющего незначительную бюрократическую формальность. Его судили за убийство перед подкупленным и испуганным судьёй и оправдали; после этого он сразу же убил честного свидетеля на улице, даже не пытаясь скрыть это, поскольку жандармы уехали из города, чтобы уладить какое-то срочное дело в Рэпид-Сити. Но это оказалось второй его ошибкой. С большой неохотой жандармы вернулись и арестовали его снова, после короткого обмена свинцовыми пулями, и на сей раз намеревались отвезти его в столицу. Но до туда они так и не добрались. Фактически, их никогда больше не видели. Предполагалось, что МакКонвилл каким-то образом убил офицеров и сбежал, и уже вскоре мистер Ллойд, утомившись от такого бизнеса, дешево продал свое ранчо несговорчивому соседу и переехал в Чикаго.

Ли появился для дачи показаний во время суда, потому что присутствовал, когда был убит один из людей Ллойда и его попросили также рассказать о характере молодого Джимми Парлетта. Костистое лицо и

худощавое телосложение МакКонвилла, его глубоко посаженные черные глаза и гигантские руки нельзя было ни с чем спутать. И то, как он смотрел на суд и свидетелей обвинения — оценивающим, холодным взглядом, медленно и зверски просчитывая что-то, в этом взгляде не было ничего человеческого — всё это было забываемо.

И теперь он был здесь, на Нью Оденсе, охраняя политического деятеля, и Ли был настолько глуп, что начал провоцировать его.

В середине ночи Ли встал, чтобы посетить уборную. Когда он, завернутый в своё длинное пальто, уже начал различать в темноте путь вниз по коридору, Эстер прошептала: "Ли, ты слышишь?"

Он остановился. Из-за двери слева от него доносился звук приглушенного, страстного рыдания.

— Мисс Ланд? — спросил Ли шепотом.

— Это она, — сказала Эстер.

Ли не нравилось оставлять кого бы то ни было в беде, но он полагал, что мисс Ланд расстроится еще больше, если узнает, что её подслушивали. Поэтому он, дрожа от холода, продолжил свой путь и затем на цыпочках возвращался назад, надеясь, что пол под ногами не будет скрипеть и тревожить её.

Но когда он уже достиг своей комнаты, то услышал звук ручки, поворачивающейся позади него, и узкий луч искусственного света проник в коридор через открывшуюся дверь.

Он повернулся и увидел мисс Ланд в длинной ночной рубашке, ее растрепанные волосы, красные глаза и влажные щеки. Выражение её лица было неповторимо.

— Извините, если я потревожил вас, мисс Ланд, — шепотом проговорил Ли. Он опустил глаза, стараясь не смущать ее.

— Мистер Скорсби... Мистер Скорсби, я надеялась, что это вы. Простите, но могу я попросить вашего совета? — спросила она, и затем неловко добавила: — Нет никого больше, кого я могу... Я думаю, что вы — джентльмен.

Он уже забыл, насколько низок её голос, он звучал твердо и в то же время нежно.

— Да, конечно можете, — ответил Ли.

Она прикусила губу и окинула взглядом пустующий коридор.

— Не здесь, — сказала она. — Пожалуйста, не могли бы вы...?

Мисс Ланд посторонилась и раскрыла дверь.

Они оба говорили очень тихо. Ли подобрал Эстер и вошел в узкую спальню. Эта комната была столь же холодна, как и его, но пахла лавандой, а не табачным листом, кроме того её одежда была аккуратно сложена и висела, а не была разбросана по полу.

— Чем я могу помочь вам, мисс?

Она поставила свечу на полку над пустым камином и закрыла журнал, который лежал рядом с пером и бутылкой чернил на небольшом круглом столе, покрытом кружевной тканью. После этого она вытащила один стул для Ли.

Он присел, по-прежнему не желая смотреть ей в глаза случай, если она была смущена слезами, но после понял, что если она осмелилась спровоцировать эту странную встречу, то он должен уважать это и не недооценивать свою собеседницу. Он поднял голову, чтобы взглянуть на нее, высокую и стройную, слезы все еще не высохли на её щеках и давали легкие блики.

Ли ждал вопроса. Мисс, казалось, думала, как лучше сформулировать его. Она сложила руки перед ртом и пристально смотрела на пол. Наконец, после некоторой паузы, она заговорила:

— Есть кое-что, что меня попросили сделать, и я боюсь сказать «да», если лучше было бы сказать «нет». Я имею в виду, лучше не для меня, а для... для человека, который попросил меня. Я не очень опытна в таких вопросах, мистер Скорсби. Я полагаю, что немногие знали, как поступить, до того, как это случилось. Я тут совсем одна и мне не у кого больше попросить совета. Я не знаю, что мне делать. Мне так жаль беспокоить вас.

— Не стоит извиняться, мисс Ланд. Я не знаю, смогу ли дать вам мудрый совет, но попытаюсь. Мне кажется, что тот человек, который попросил вас, надеется, что вы сделаете это, иначе не стал бы просить. И... и мне

кажется, что ему лучше знать, что для него лучше. Я не думаю, что вы должны волновать себя по поводу какого-то особого ответа, но этот ответ должен удовлетворить и вашим личным предпочтениям. Учесть свои собственные интересы вовсе не постыдно. Куда более постыдно сделать то, что, как вы думаете, правильно для кого-то ещё, но неправильно для вас. Это о чести, не так ли?

— Да, именно об этом.

— В этом вопросе обычно очень сложно разобраться.

— Именно поэтому я попросила вашего совета.

— Ну, мисс Ланд, если вы хотите это сделать...

— Очень хочу.

— И это никому не повредит...

— Я думала, что это могло бы повредить... человеку, который попросил меня.

— Вы должны позволить ему самому решить это.

— Да, это так. Определенно.

— Тогда с вашей стороны честью было бы сделать это.

Она все еще стояла неподвижно, эта высокая костистая застенчивая девушка в длинной белой рубашке и с босыми ногами, ее лицо выглядело таким незащищенным, почти голым, на нем ясно читались интеллект, честность, застенчивость, храбрость и надежда. Смешение этих чувств так тронуло сердце Ли, что он чуть не влюбился в неё. Он видел, что её мягкие руки держали деймона на груди. И видел также изящество, медленно преодолевающее неуклюжесть молодого тела — поскольку она была еще молода. Ли думал, каким счастливым она сделает любого мужчину, который получит ее согласие; думал, что если бы хоть раз в своей жизни он удостоился чести держать это сокровище в руках, то никогда не стал бы обращать внимание на такую пресную куклу как Полякова.

Внезапно она протянула Ли руку. Он встал и пожал её.

— Я так благодарна вам, — сказала мисс Ланд.

— Рад помочь, мисс, и желаю вам всего хорошего, — ответил Ли. — Я действительно надеюсь, что вы сможете прекратить волноваться об этом.

Несколько холодных секунд спустя он был на своей собственной кровати, с Эстер около него на подушке.

— Ну, Эстер, — сказал он, — что это было?

— А ты не знаешь? Конечно же, ей предложили брак, ты, крупный дурак.

— Действительно? Кроме шуток! Каково! И что же я посоветовал ей сделать?

— Согласиться, конечно.

— Вот черт, — сказал Ли. — Надеюсь, что правильно разобрался во всем.

Следующим утром Ли спустился к завтраку из сального сыра и солёной рыбы, в ходе которого каждый из джентльменов предпринимал большие усилия, чтобы привлечь внимание очаровательного библиотекаря, на что она ответила молчаливым презрением. Ни она, ни Ли ничем не выдали события прошлой ночи.

— Холодная девушка, наша мисс Ланд, — сказал фотограф, когда библиотекарь уехала. — Она очень требовательна к высоким стандартам беседы.

— У нее есть возлюбленный в офисе таможни, — сказал Васильев. — Я видел их вчера вечером после встречи. Что произошло с вами, мистер Скорсби? Вы были вовлечены в водоворот политики?

— Полагаю что да, в течение минуты, — ответил Ли. — А после я пришел в себя. Этот Поляков — бесспорно, недобрый человек. Он собирается победить на этих выборах?

— О, да. Его единственный противник — нынешний мэр, ленивый и трусливый человек. Да, Поляков победит, и займет довольно неплохое место, чтобы получить предложение вернуться в Сенат в Новгороде. К сожалению, я почти уверен, что в недалеком будущем увижу его там.

— Вы знаете, я только что вспомнил кое-что, — проговорил Ли. — Он упоминал ситуацию в гавани, которая нуждалась... чем бы это ни было, он сказал... решение. Это могло быть бизнесом капитана, который не может получить свой груз? Вы знаете что-нибудь об этом?

— Ну, я не знаю точно, что происходит там, но без сомнения наши старые друзья Ларсен Мангэнез имеют к этому отношение. Таким образом, у Полякова есть связи и там тоже, так? Я уверен, что он завладеет этой компанией.

— Все это так, — сказал Ли, — А теперь не будете ли вы так любезны немного сделать для меня? Эстер довольно сильно укусила его за запястье. Ли укоризненно взглянул на нее.

— Никаких пари, — сказала она.

— Какой позор! — воскликнул он. — Я собирался наекнуть господину Васильеву, что он мог бы предпринять небольшое путешествие вниз к гавани, чтобы посмотреть, что там происходит. Пари! Эстер, Эстер.

— К сожалению, у меня другие планы, — сказал Васильев. — Я должен сегодня осмотреть условия труда на кожевенном заводе, а затем буду занят приготовлениями к отъезду.

— Ну, наслаждайтесь осмотром, сэр. И если я не увижу вас перед отъездом, то скажу нашему справедливому компаньону, что вы увезли своё разбитое сердце к медсестре.

Было ветреное утро с небольшой примесью дождя, прерывающегося ярким солнечным светом. Большие белые облака спешили через блестящее синее небо.

— Симпатичная погода, — сказал Ли, направляясь к гавани. — Все же еще рано быть здесь, на земле.

— Если ты не будешь ступать осторожнее, то вскоре окажешься под ней, — съязвила Эстер.

Ли присел на причальную тумбу у самого края воды и надвинул шляпу ближе к глазам, потому что яркий свет от воды был удивителен. Он достал свой маленький бинокль и осмотрел бассейн. Большой паровой подъемный кран на правом причале закончил с новой мачтой баркаса и сейчас был занят разгрузкой угля с танкера на поезд. Что касается судов слева, тот, который загружал рыбий жир, покончил с этим и теперь загружал что-то, издали напоминавшее связки кожи, а другое судно теперь поднялось гораздо выше в воде из-за того, что весь груз древесины был разгружен. Ее палубы были пусты, а команда занималась вычищением и покраской. Единственным новым кораблем в поле зрения было судно-экскаватор, работающее около входа в гавань, старательно поднимая кучи песка и грязи и сбрасывая их в баржу рядом.

На шхуне ничего не изменилось. Она по-прежнему неподвижно и тихо стояла на якоре в гавани. На углу склада, вдоль причала, находилась группа мужчин, и Ли собирался направить бинокль на них, когда резкий голос одернул его:

— На что вы смотрите?

Ли аккуратно опустил бинокль и не спеша обернулся. Эстер придвинулась немного поближе. Мужчина, стоящий позади, был рыжеволосым голландцем, которому аэронавт помог в баре накануне.

— Капитан Ван Бреда? — сказал Ли, медленно поднимаясь и снимая шляпу.

— Да, это я. А кто вы такой?

Мужчина либо совершенно ничего не помнил, что было бы неудивительно, либо просто стыдился вспоминать вчерашние события.

— Меня зовут Скорсби, капитан. Я смотрел на ту шхуну, и думал, что не хотел бы платить взносы порту, накопившиеся за то время, как она не может получить свой груз.

— Вы партнер Полякова? — с ненавистью проговорил Ван Бреда, сжимая кулаки. Его щеки, покрытые красной щетиной, были залиты еще более глубоким темно-красным цветом, а глаза налились кровью. «Кажется, что этот человек в любой момент может упасть в обморок», — подумал Ли, глядя на его деймона — это была крупная дворняжка с грубыми волосами, очень напоминавшая волка; ее шерсть поднялась, а сама она дрожала и постоянно издавала низкое рычание. Один или два прохожих любопытно поглядели на них и пошли дальше.

Неподалеку медведь выбрался по лестнице из воды и старательно отряхнулся, запустив тем самым тучи брызг высоко в воздух, прежде чем встать и посмотреть вдоль пристани на этих двух мужчин.

— Партнер? — тщательно выговорил Ли. — Нет, сэр. Это в корне неверно. Я встретил этого человека вчера вечером в ратуше, и сказал ему, что не отношусь к классу людей, которых он нанимает. Так или иначе, у меня нет голоса на этих выборах, и я заснул во время его речи. Это ваше судно?

— Да, черт возьми, и я не люблю шпионов. Что вы ищете? А?

Эстер приблизилась на пару шагов и что-то тихо сказала деймону Ван Бреды, который лишь гневно прорычал в ответ. Эстер повернулась и сказала:

— Ли, купи капитану выпить.

Она была права: мужчина выглядел совсем ослабевшим.

— Я не шпион, капитан, — ответил Ли. — Не хотели бы вы присоединиться ко мне в кружке горячего рома? Тут недалеко есть подходящий бар. Я хотел бы поподробнее узнать о вашей ситуации.

— Да. Да. Хорошо. Почему бы и нет? — сказал капитан, снимая кепку и поправляя длинные рыжие волосы дрожащей рукой. Весь хрупкий гнев оставил его, и он беспомощно следовал за Ли в ближайший бар.

Они сели за столик у окна. Ван Бреда пристально и даже несколько одержимо смотрел на шхуну, бережно обхватив стакан рома, в то время как Ли зажег сигариллу, начав тем самым конкурировать с дымной печью поблизости. Снаружи Ли заметил медведя, сначала пытавшегося найти место на причальной тумбе, а затем обосновавшегося перед ней, осторожно подвернув огромные лапы под тело.

— Теперь она почти потеряна для меня, — грустно пробормотал капитан.

— Ваше судно? Вы его владелец и капитан?

— Недолго, если тот человек знает, что делает.

— Как так?

— Взгляните на это, — сказал Ван Бреда и достал смятый конверт из кармана.

Ли вынул из него письмо. Это было письмо от владельца гавани Нью Оденсе, там было сказано следующее:

Уважаемый капитан Ван Бреда, В соответствии с законом о торговом судоходстве 11.303.(5), я обязан напомнить вам, что если товар, в настоящее время находящийся на восточном складе №5, не будет погружен с приливом утром 16 апреля, то он будет конфискован властями порта и передан для продажи путем публичных торгов.

Искренне Ваш,
Йохан Огард,
Владелец порта

— Шестнадцатого апреля, — сказал Ли. — Это завтра. Во сколько прилив?

— В одиннадцать тридцать две, — ответил Ван Бреда. — Это невозможно. Он знает, что это невозможно. Он приказывает мне забрать груз, я хочу забрать груз, но они отказываются открыть проклятый склад. Говорят, что я должен денег властям. Это — проклятая ложь. Это — надуманное обвинение, которое никогда не существовало прежде — они собственноручно создали его, чтобы отнять у меня груз. Я прошу у них разрешение для этого нового обвинения, а они ссылаются на какой-то проклятый закон, о котором я никогда не слышал. Я знаю, что Поляков скрывается за этим. Он и Ларсен Мангэнез. Власти порта конфискуют мой груз, а затем Поляков предложит наивысшую цену на этом проклятом аукционе, от имени Ларсен, и никто не посмеет предложить цену выше. Тем временем я потеряю свое судно. Кому какое дело? А?

— Позвольте уточнить, — сказал Ли. — Сначала они совершают нападки на вас под предлогом взимания платы за хранение товара, затем отказывают вам в погрузке, а затем угрожают конфисковать, если вы не загрузите его?

— Вот именно. Они хотят выставить меня безумцем.

— Почему? Что это за груз?

— Буровые машины и образцы горных пород.

— Образцы горных пород... Минутку. Это как-то связано с нефтью?

Ван Бреда на мгновение оторвал пристальный взгляд от шхуны и взглянул прямо на Ли.

— Вы правы. В сущности это все построено на нефти. Нефти и деньгах.

— Кто экспортер?

— Нефтяная компания из Бергена. Вот, у меня есть накладная...

Он вынул из своего кармана еще один мятый документ.

— Вы подписываете накладную прежде, чем загружаете товар?

— Здесь такая система. Как только груз доставлен на склад, вся ответственность за него ложится на плечи перевозчика и накладная подписывается там же. В этом и проблема. Я уже взял на себя ответственность за этот груз, но не могу получить проклятый... не могу даже...

Он судорожно сглотнул.

— Почему бы вам не поговорить с таможенной? — после моментного замешательства вспомнил Ли. — Я так понимаю, что они здесь единственный закон.

— Я пытался. Этот вопрос не в их компетенции. Все таможенные бумаги в порядке. Они написали мне

письмо, где разъяснили, что они тут ни при чем.

— Сколько времени потребуется, чтобы загрузить товар?

— Несколько часов. Недолго.

— И как только груз будет на борту, вы тут же сможете уехать? Вам не нужно использовать буксир или нанять лоцмана?

— Нет. У меня есть вспомогательный двигатель и достаточно топлива, а лоцман мне и вовсе ни к чему.

— Что относительно вашей команды?

— Все на борту, но ненадолго. Они знают затруднительное положение, в котором я нахожусь.

— Итак, вы видите, — сказал Ли, гася небольшую черную сигариллу, — что если бы у вас было прикрытие, то вы могли бы взять груз и сбежать.

Ван Бреда уставился на него. Он, казалось, не понимал. Выражение его лица металось между надеждой и отчаянием.

— О чем это вы? — раздраженно бросил он.

— О том, что мне не нравится Поляков. Мне не нравится то, как он говорит, и особенно не нравятся мужчины, с которыми он дружит. И о том, хотите ли вы загрузить товар, капитан, если я буду прикрывать вас. Все, что вы должны сделать — это открыть складскую дверь.

Он отодвинул свой стул и направился к барной стойке, чтобы заплатить за напитки.

Неожиданная мысль осенила аэронавта, и он спросил у бармена:

— Скажите, вы знаете человека по имени Оскар Сигурдссон?

— Журналист? — переспросил бармен. — Да, я знаю его. Вы его друг?

— Нет. Просто любопытно.

— Тогда я скажу вам. Он — яд. Чистый яд.

— Спасибо, — сказал Ли.

Он присоединился к капитану на мостовой снаружи.

Мужчины собирались направиться к офису владельца порта, как вдруг случилось непредвиденное. Медведь, сидевший на причале, встал, обернулся к ним, и сказал:

— Ты.

Он смотрел прямо на Ли. Его голос был глубок. Ли на мгновение почувствовал себя поразительно глупым и беззащитным, но затем сумел собраться с силами и перешел дорогу к берегу. Эстер сильно прижалась к его ногам, и Ли подобрал ее.

— Вам нужен я?

Лицом к лицу медведь был огромен. Насколько Ли мог судить, он был еще молод; его тело было огромно, а маленькие черные глаза непроницаемы. Мех цвета слоновой кости мелькал в глазах, обдуваемый свежим северным ветром. Ли чувствовал частое сердцебиение Эстер у себя на груди.

— Ты собираешься помочь ему? — медведь бросил краткий взгляд на капитана, осмотрел дорогу и снова уставился на Ли.

— Это моя цель, — осторожно проговорил Ли.

— Тогда я помогу тебе.

— Вы знаете капитана Ван Бреда?

— Я знаю, что его враг — мой враг.

— Хорошо, мистер... мистер Медведь

— Йорек Бирнисон, — представился медведь.

— Йорк Бурнисон, капитан должен получить товар, запертый на складе, погрузить его на судно и уплыть. А наш общий враг хочет помешать ему. Я считаю, что у нас будет немного времени, чтобы разобраться с грузом, но потом возникнут проблемы. Мои лозунги — терпение и осторожность, мистер Бурнисон, но иногда приходится идти на риск. Вы согласны на это?

— Да.

— Еще я слышал, что ваш народ изготавливает для себя броню, — сказал Ли. — У вас есть броня?

— Шлем. Ничего больше.

Медведь бросился вдоль края каменного причала к вершине лестницы и поднял потрепанный, неуклюжий

железный лист любопытной формы и кривизны. У его края болталась цепь и Ли успел лишь с удивлением моргнуть, как медведь ловко нацепил шлем на голову и быстро защелкнул цепь с другой стороны, под горлом. Теперь лист совсем не выглядел неуклюжим: он прекрасно подходил Йореку. Черные глаза медведя сверкали в глубине двух больших вырезов.

Ли знал, что это привлекало внимание. Люди указывали на медведя, окна распахнулись, а на противоположной стороне дороги уже собралась небольшая толпа зевак. Когда Йорек Бирнисон надевал шлем, раздался звучный вздох и Ли вспомнил поэта, который говорил, что медведям не разрешали носить броню в городе.

Капитан пересек дорогу, вопросительно глядя на Ли.

— Наши шансы растут, капитан, — сказал Ли. — Это — Йорк Бурнисон, и он собирается разделить с нами оружие.

— Бирнисон, — поправил медведь.

— Бирнисон. Прошу прощения. Теперь первое, что мы должны сделать, это поговорить с владельцем порта, поэтому давайте оставим разговоры. Спустимся на набережную, господа, и откроем склад.

Ли направился вдоль берега и повернул непосредственно к причалу. К этому времени число зрителей выросло приблизительно до тридцати, и все больше любопытных прибывало из переулков, которые вели вниз к порту. Толпа следовала немного позади, указывая на медведя пальцами, взволнованно переговариваясь и по возможности подзывая присоединиться других. Ли знал об этом, но старался не отвлекаться: его взгляд был прикован к офису владельца порта, дверь которого приоткрылась. В открывшемся проеме показался любопытный взгляд, но лишь ненадолго — дверь снова закрылась.

— Письмо у вас, капитан? — сказал Ли. — Лучше отдайте его мне.

Капитан передал потрепанный документ.

— Спасибо. А теперь я собираюсь прочитать длинную лекцию, Йорк Бирнисон, таким образом, мое внимание будет отчасти занято, и я был бы бесконечно признателен, если бы вы внимательно следили за всякого рода проблемами.

— Хорошо, я сделаю это — откликнулся медведь.

Они достигли здания, в котором располагался офис владельца порта, и дверь снова открылась. Мистер Огард вышел, взяв с последней пуговицей костюма, и стал напротив причала, прямо перед ними.

— Добрый день, мистер Огард, — бодро поприветствовал его Ли. — Надеюсь, в это прекрасное утро вы хорошо себя чувствуете. Не могли бы вы уступить нам дорогу: мы с капитаном Ван Бреда и моим партнером собираемся заняться нашими законными делами. — У вас нет никаких дел на этом причале.

— О, я не думаю, что вы можете утверждать это, сэр. Как у адвоката у меня есть все виды дел на этом причале. Мой клиент...

— Адвокат? Вы не адвокат. Еще вчера при встрече вы утверждали, что аэронавт.

— И он тоже. В равной степени. Теперь позвольте мне обратить ваше внимание на это письмо, полученное вчера моим клиентом из вашего офиса. Эта ваша подпись?

— Конечно. Что вы...?

— Ну, мистер Огард, — начал с улыбкой импровизировать Ли, — я думаю, что вы должны усовершенствовать свой закон. Это письмо верно в отношении закона о торговом судоходстве 11.303. Пункт 5 затронут абсолютно справедливо, сэр, и я поздравляю вас с сжатым и мужественным красноречием, с которым выражен этот фрагмент письма. Однако, позвольте мне напомнить вам, что последующая часть законодательства, закон о Грузах и Грузоперевозках от 1911, часть 3, пункт 4, различные положения, в частном и целом заменяет закон о торговом судоходстве, сообщая, что право перевозчика загрузить товар, как только накладная подписана обеими сторонами, я подчеркиваю, никоим образом не должно оспариваться, затрудняться или предотвращаться любым положением любого предыдущего закона, несмотря на любые местные интерпретации, которые должны быть оставлены без внимания. В связи с этим, капитан Ван Бреда, имеется ли у вас такая накладная?

— Да, мистер Скорсби, имеется.

— И она подписана обеими сторонами?

— Да.

— Тогда, мистер Огард, я призываю вас отступить и позволить моему клиенту заняться его законным делом.

— Я... это неправильно — сказал владелец порта, деймон-кошка которого начала царапаться, просясь на руки. Он сухо нагнулся, поднял деймона к груди и она тут же свернулась калачиком, спрятав мордочку. Огард продолжил: — Я ничего не знаю об этих других законах, но капитан Ван Бреда не заплатил пошлину на эти

изделия, и...

— Господин владелец порта, только чтобы спасти вас от дальнейших неприятностей и различного рода затруднений, я должен напомнить, что пошлина, на которую вы ссылаетесь, это пошлина на импорт а не на экспорт, поэтому в данном случае не взимается. Вы допустили простую и честную неточность. Мой клиент готов воздержаться от любых требований компенсации, если вы немедленно выпустите товары со склада. Кроме того, если это вопрос подлежащей оплате пошлины и неоплаты, как вы и утверждали перед этими прекрасными и честными свидетелями, то совершенно очевидно, что это вопрос таможи, а офис таможи полностью признает право капитана Ван Бреда загрузить товар и не имеет никакого намерения наложить какую-либо пошлину. Это так, капитан?

— Да.

— И у вас есть письмо, подтверждающее это?

— Действительно есть.

— Тогда мне больше нечего добавить. Хорошего дня, мистер Огард, мы больше не побеспокоим вас.

— Но..., — владелец порта больше не имел разумных аргументов, но внезапно его осенило: — Но этот медведь носит незаконную часть брони и не имеет никакого права быть на причале.

— Надлежащий и разумный ответ на неблагоприятные провокации, мистер Огард, — ответил Ли.

Он решительно выступил вперед, и владелец порта нерешительно отошел в сторону. Толпа все еще наблюдала за развитием событий, но выглядела уже куда менее уверенно, чем всего за минуту до этого; но Ли больше беспокоило небольшое скопление мужчин дальше вдоль причала. Он знал таких мужчин.

— Хороший пример чрезмерной ораторской пышности, Ли, — сказала Эстер.

— Капитан, — обратился аэронавт, — на вашем судне есть оружие?

— Всего одна винтовка. Но я никогда не использовал её.

— Боеприпасы?

— Конечно. Но как я говорю, я никогда раньше не использовал её.

— Вы не должны будете использовать её. Принесите винтовку мне, если понадобится, я пушу оружие в дело. Итак, если бы вы начали загружать товар, скажем, в течение следующего часа, то могли бы уплыть с приливом вроде этого?

— Гавань достаточно глубока. Все должно получиться.

— Это хорошо, потому что мне, возможно, придется плыть с вами. Нам обоим. Теперь взгляните. Эти бандиты собрались здесь не для того, чтобы перекинуться парочкой горячих слов. Ничего не говорите и оставьте их мне. Йорк Бирнисон, я снова попрошу тебя прикрывать меня.

Толпа немного отступила, ощущая, что настроение событий изменилось, поскольку Ли, медведь и капитан направлялись к пяти мужчинам отделявшим их от шхуны. Эстер осматривала окрестности в поисках других фигур, скрывающихся в переулках между складами, или в окнах выше, или на западном причале, с другой стороны реки: удачный выстрел из винтовки вполне мог настигнуть их.

Ли ясно слышал звук ботинок на мощеном причале, непрерывный крик чаек, пыхтение парового подъемного крана и лягг и опрокидывание большого ведра, поскольку шла разгрузка угля из трюма танкера и погрузка его в вагоны. Каждый отдельный звук был ярок и ясен, именно поэтому Ли и Эстер одновременно услышали небольшой щелчок. Это был звук взводимого револьвера, и он донесся спереди, как мог догадаться Ли; но уши Эстер могли точно определить муравья на былинке, и она без промедления сказала:

— Второй мужчина, Ли.

Мужчины выстроились в ряд приблизительно в пятнадцать ярдах впереди. Три из них держали дубинки или палки, но у двух других руки были за спинами, и прежде, чем Эстер закончила говорить «Ли», пистолет аэронавта был в его руке и направлен прямо на второго мужчину слева.

— Вы прямо сейчас бросаете оружие, — сказал Ли. — Вы просто отпускаете и позволяете ему упасть.

Мужчина удивленно застыл. Он, вероятно, не ожидал, что Ли двинется столь быстро, и, вполне возможно, ему в первый раз угрожали оружием; он был только мальчиком, не старше двадцати лет. Его глаза расширились, и он нервно сглотнул, прежде чем отпустить револьвер.

— Теперь пните его сюда, — сказал Ли.

Мальчик нащупал оружие позади носком ботинка и отправил его подпрыгивать по каменным плитам. Капитан нагнулся, чтобы поднять револьвер.

Тогда мужчина справа, другой мужчина, державший руки за спиной, сделал глупость: поднял правую руку и выстрелил из большого револьвера, зажатого в ней.

Но у него не было времени, чтобы должным образом прицелиться, и пуля не достигла цели. Толпа позади зашумела и начала рассеиваться, но Ли выстрелил прежде, чем возник первый крик. Его пуля попала точно в бедро мужчины, тот потерял равновесие и упал прямо на край причала, а затем, не в силах удержаться, свалился в воду, забрав оружие с собой. Его крик поглотил громкий всплеск.

Ли сказал другим:

— Сейчас он утонет, если вы не поможете ему. Вы же не хотите, чтобы его смерть оказалась на вашей совести? Поторопитесь и отойдите с нашего пути.

Он шагнул вперед. Мужчины угрюмо посторонились, и двое из них нагнулись к воде, чтобы помочь своему товарищу, который теперь плескался и кричал со страхом и болью.

— Позвольте мне взглянуть на револьвер, капитан, — попросил Ли, и капитан вручил ему оружие. Это был дешевый и хрупкий предмет, а ствол его согнулся при падении. Любой, кто будет стрелять из него, рискует потерять руку. Ли с сожалением бросил оружие в воду, потому что знал, что в этот момент сжимает курок своего собственного револьвера, барабан которого навсегда заржавел и не имел никакой возможности прокрутиться. Этот выстрел был единственным, который аэронавт мог произвести.

— Очень скоро мне понадобится ваша винтовка, капитан, — сказал он.

Ли сунул револьвер в кобуру и огляделся. Толпа позади стала намного более многочисленной, а звуки изменились: паровой подъемный кран все еще работал, но капитан и команда судна вышли на палубу и пытались найти, откуда стреляли. В отсутствие лязга и звона большого ведра, Ли смог услышать настойчивое пыхтение судна-экскаватора у входа в гавань и взволнованный ропот толпы позади.

Все трое двинулись вперед. Теперь они были совсем близко к шхуне, и Ли мог видеть команду, собравшуюся на корме и удивленно глядевшую на то, как небольшая группа пробивалась к ним вдоль причала.

Но тут один из них указал на что-то еще в городе, и другие стали вглядываться, стараясь рассмотреть, что же так заинтересовало их товарища, а Эстер сказала:

— Ли, тебе лучше взглянуть.

К этому времени они были на одном уровне с кормой судна и напротив последнего склада. Небольшой переулок бежал между этим складом и предыдущим. Ли взглянул вниз, в этот самый переулок, осматривая два ряда окон в складском фасаде, посмотрел на паровой подъемный кран и угольный танкер, проверяя все перед тем, как обернуться и увидеть, на что же указывает Эстер, и заметил медведя, делающего то же самое.

— Что это, черт возьми? — хрипло произнес капитан.

Большая машина, приведенная в действие каким-то газовым двигателем, пробивалась вдоль берега и свернула на причал. Несколько мгновений хватило Ли, чтобы узнать профиль этого оружия: это была та самая модель, которую он видел ночью в комнате за сценой в ратуше — модель самоходного орудия, которым хвастались люди Ларсен Мангэнез. Она была просто ужасна. Стальные колеса и гусеницы позади пробивали себе путь вдоль каменных плит, и толпа прижалась к стене офиса владельца гавани, чтобы освободить место для машины.

— Оружие? — предположил Йорек Бирнисон.

— Да, — подтвердил Ли.

— Я разберусь.

И медведь развернулся и незаметно скользнул в переулок.

— Капитан, винтовку, пожалуйста, — сказал Ли. — Прямо сейчас.

— О, ја-ја. Мистер Мэйт! — проревел капитан, и голос с баржи ответил:

— Да, капитан!

— Мистер Йонсен, не могли бы вы принести мою винтовку и коробку боеприпасов из лазарета, пожалуйста. Только быстро.

Ниже по причалу орудие остановилось. Толпа отступила, и Ли смог увидеть человека в униформе, стоящего около машины и что-то кричащего в мегафон. Невозможно было разобрать ни слова, и аэронавт только развел руками.

Мужчина снова закричал, но понять его по-прежнему не было никакой возможности. Ли покачал головой.

Кто-то сбежал по трапу позади него и поспешил к капитану. Мгновение спустя Ван Бреда передал винтовку Ли.

— Спасибо, капитан. О, моя милая Тетя Бетси! Винчестер! Как насчет этого?

— Вы знаете эту винтовку?

— Отлично знаю. И в хорошем состоянии...

Он стремительно зарядил винтовку, проклиная себя за небрежное отношение к револьверу и наслаждаясь чувством хорошо сбалансированного и прекрасно смазанного оружия. Он почувствовал себя намного лучше с этой винтовкой.

— Капитан, — сказал Ли, — это тот самый склад?

— Да.

— Вы точно знаете, где находится товар?

— Да. Все, что мы должны сделать — это открыть дверь.

Ли взял горсть патронов из коробки и бросил их в карман, затем повернулся и посмотрел назад, вдоль причала.

Поскольку самоходное орудие возобновило свое опустошающее движение вперед, то Ли теперь мог разглядеть членов экипажа: один мужчина, похоже, управлял громадиной, а еще двое отвечали за огонь и перезарядку. Длинный ствол приподнялся и качнулся слева направо и снова обратно, прежде чем остановиться на корме шхуны. Эта машина вполне могла уничтожить здание, не говоря уже о том, чтобы потопить судно. Ли подумал что, стоит только этому танку выстрелить, как закончится это увлекательное приключение, и, вполне возможно, его жизнь тоже.

Машина подошла ближе, и Ли поднял винтовку к плечу. Самоходка была почти в конце среднего склада, как раз напротив переулка, отделяющего этот склад от последнего. Ли приготовился и опустил палец на курок.

Но прежде, чем что-либо еще произошло, раздался грохот лап и рев, каких Ли никогда не слышал, и из переулка выскочил Йорек Бирнисон, чтобы швырнуть свою огромную тушу на не менее внушительную конструкцию оружия.

Ли вскрикнул от неожиданности — он ничем не мог помочь ему.

Стрелки тревожно закричали, потому что колеса заскользили и затрещали на камнях. Первый удар Йорека пришелся на ствол орудия и развернул его к воде, водитель же в это время отчаянно пытался затормозить; но тогда Йорек оперся в машину плечом и толкал её до тех пор, пока два передних колеса не приподнялись от земли, и все орудие не наклонилось вперед. Стрелки обеспокоенно кричали и изо всех сил пытались повернуть ствол обратно, а Йорек вновь толкнул пушку, и она выстрелила со вспышкой огня и дыма и оглушительным ударом, посылая снаряд на другую сторону бухты, прямо в сторону причала около угольного танкера. Снаряд разорвался в воде, подняв столб высоко в воздух. Вода окатила команду танкера и крановщика, заставив их в панике разбежаться. Но немногие заметили это, потому что выстрел привел Йорека в бешенство. Теперь он запустил свои когти под машину, и, в то время как двигатель ревел, а гусеницы скрипели на камне, с огромным усилием выпрямился и бросил орудие и его команду с тремя людьми в воду, вызвав тем самым очередной громкий всплеск. Один из мужчин успел соскочить; другие два исчезли с оружием.

Поздравления от команды судна, вопль восхищения от Ли.

Медведь снова опустился на четвереньки и побрел вперед, чтобы присоединиться к Ли на шхуне.

— Даже я испугался, когда увидел тебя в гневе, Йорк Бирнисон, — сказал аэронавт.

На другой стороне команда угольного танкера осторожно осматривала повреждения причала. Крановщик кивал боцману, который вопил, пытаясь вернуть людей к работе. Водитель поезда, на который шла погрузка, также покинул свою кабину, чтобы посмотреть, что же произошло. Даже экскаваторное судно на минуту остановило работу, но теперь снова возобновило устойчивое пыхтение.

В настоящий момент толпа ниже по причалу как будто застыла. Но Ли озирался ещё более тщательно. С правой стороны от него, поскольку он повернулся к городу, вырисовывалась большая часть склада: трехэтажное здание из серого камня, с рядом окон на высших и средних этажах. Массивные двери были сделаны из стали и открывались внутрь. Из центра стены, выше третьего этажа, прямо под крышей, торчала балка, спроектированная, наверное, для того, чтобы разгружать товары непосредственно с кораблей. Солнце светило ярко, поскольку ветер унес облака на север, и оно полностью отражалось от стены склада за левым плечом Ли, когда он развернулся к причалу.

Позади него капитан выкрикивал распоряжения, и Ли слышал приглушенный взрыв в трюме, сопровождаемый вздрагиванием корабля, которое сказало о стартере, запустившем моторный двигатель. В носовой части два матроса энергично открывали люк переднего трюма, тогда как другой мужчина проверял такелаж на вышке, которая бала сконструирована на фок-мачте.

Внезапно Эстер сказала:

— Справа, на верхнем этаже, Ли.

Он повернул винтовку к складу и увидел, что она имеет в виду: движение в третьем окне с конца. Он держал винтовку наготове, направив её непосредственно на это окно, но движение больше не повторилось.

Йорек Бирнисон стоял рядом с Ли, глядя вниз, в направлении толпы. Капитан и помощник спустились и присоединились к ним.

— Итак, мистер Мэйт, — сказал Ли, — как вы собираетесь переместить груз на шхуну?

— Товар находится на грузовиках, — ответил помощник. — Мы подготовили все к транспортировке прежде, чем они заперли груз. Это не займет и получаса.

— Хорошо. Капитан, скажите мне вот что: каково расположение на складе? Что мы увидим, когда откроем дверь?

— Пространство полностью открыто. Есть колонны, я не знаю сколько, каменные колонны, поддерживающие этажи выше. На первом этаже в настоящее время расположены по большей части связки мехов и кожи. Мой груз около дальней стены слева, сложен готовый на грузовиках.

— Эти связки кожи — насколько они высоки? Я могу увидеть пространство за ними, или они слишком высоки для этого?

— Слишком высоки, я думаю.

— А что насчет лестницы?

— В конце, по центру.

— А верхние этажи?

— Я не знаю, что...

— Ли! Слева вверху! — крикнула Эстер, и в тот же самый момент Ли поймал вспышку солнечного света, возвещающую об открытии окна.

Он поднял винтовку, и это, должно быть, помешало снайперу, потому что тот выхватил револьвер и выстрелил мимо — пуля застряла где-то на палубе шхуны. Ли сразу же открыл ответный огонь. Окно разбилось, осколки стекла посыпались на землю, но бандит уже успел скрыться.

Йорек Бирнисон бегло осмотрелся и затем сказал:

— Я открываю дверь.

Ли частично ожидал, что медведь ударит и сметет её в едином порыве, но поведение Йорека было совсем другим: он несколько раз в различных местах коснулся стальной двери когтем, постукивая, нажимая и дотрагиваясь с предельной деликатностью. Он, казалось, прислушивался к вызванным им звукам, или же оценивал сопротивляемость металла.

Ли и Эстер отступили от здания к краю причала, из этой точки аэронавт мог видеть все окна.

— Ли, — тихо начала Эстер, — если там МакКонвилл...

— Не если, Эстер. Я знал, что он был там с самого начала.

— Мистер Скарсби, — прервал их медведь, — выстрелите сюда. — Он нацарапал X в точке около замка правой двери.

Ли поднял глаза, чтобы удостовериться, что бандит все еще не показывался в окне, оглянулся вдоль причала, чтобы увидеть, что толпа все еще стояла там, не желая приближаться, и вместе с капитаном проверил готовность команды.

— Хорошо, — наконец отозвался аэронавт. — Вот что мы сделаем. Йорк Бирнисон и я откроем дверь, и я войду первым. Там есть солдаты, возможно, не один, и я хочу удостовериться, что они не доставят нам неприятностей. Если вы собираетесь последовать моему совету, мистер Мэйт, то ждите вместе с командой на борту, вне зоны видимости, пока не получите известия от меня или Йорка Бирнисона, что на складе безопасно.

— Вы ожидаете еще больше проблем?

— О, я всегда ожидаю проблем. Йорк Бирнисон, ты готов?

— Готов.

— Тогда идем.

Он поднял винтовку, прицелился в X на двери, и выстрелил. В стальном листе образовалось аккуратное отверстие, ничего больше; но тогда Йорек Бирнисон протянул лапу, мягко толкнул дверь, и она упала внутрь с оглушительным треском.

Ли тут же прыгнул мимо Йорека и побежал внутрь, к открытой лестнице, которую он смутно видел прямо перед собой.

И в тот же момент из темноты сверкнул выстрел, откуда-то из куч и рядов зловонных связок. Пуля прошла

прямо над плечом Ли, разрезав рубашку, словно коготь призрака, а затем с корабля снаружи раздался грохот и крик. Ли остановился и спрятался позади ряда товаров. «Глупо было врываться сюда подобным образом» — думал он. После яркого солнца на пристани освещение здесь похоже на ночь, а глаза его противника были уже хорошо приспособлены.

— Где он? — донесся до него голос медведя.

— Он стрелял из темноты впереди, — прошептал Ли. — Но наверху есть как минимум еще один мужчина. Если ты возьмешь на себя этого, то я поднимусь и разберусь с ним.

Также он добавил, что слышал еще один выстрел, другой, сверху, и крик бедствия со шхуны. Ли и Йорек побежали одновременно — Ли проворно к лестнице, с Эстер, несущейся впереди; и Йорек, медленно и тяжело в первых двух-трех шагах, преодолевая инерцию своего огромного тела, но однажды двинувшись, он был неостановим. Ли на полпути к лестнице, увидел меха и кожи и швырнул их в сторону, словно пух, а затем раздалось два-три быстрых выстрела и крик ужаса, внезапно прерванный отвратительным ворчанием.

Больше выстрелов сверху. Ли вскочил на второй этаж, который был почти пуст, только несколько деревянных ящиков стояли на поддонах около дальней стенки; но здесь было намного светлее: солнечный свет вливался в комнату через длинную череду окон.

И здесь никого не было.

Ли вернулся и направился к следующему лестничному пролету. Он не мог двигаться бесшумно на этих пустых этажах, и знал, что мужчина сверху услышит его приближение и будет иметь достаточно времени, чтобы подготовить выстрел в направлении лестницы. Аэронавт остановился только чуть ниже верхнего этажа и поднял свою шляпу высоко на стволе винтовки — выстрел тут же заставил шляпу вращаться во все стороны — хороший выстрел, мгновенный и точный.

Но он сказал ему, откуда мужчина стрелял: из дальнего правого угла, если смотреть на склад от причала. Ли остановился и задумался.

Он не знал, насколько хорошо освещен этаж, были ли там бочки или ящики, за которыми мог бы укрыться стрелок, или у Ли будет свободный обзор.

И при этом он не знал, был ли МакКонвилл один, или у него был сообщник, который мог выстрелить Ли в спину из другого угла. В конце концов, окно, которое открылось, когда Ли был снаружи, находилось слева.

Он взглянул на лестницу. Ступеньки были покрыты каким-то железом, приблизительно десять футов шириной, и они заканчивались в задней стенке склада. Его лучшая возможность состояла в том, чтобы быстро преодолеть их, надеясь избежать пуль, и стрелять настолько быстро, насколько возможно.

— Ли, — прошептала Эстер, — подними меня.

Он нагнулся, чтобы подобрать ее. Крольчиха хотела послушать, и поэтому чем выше она была, тем лучше. Эстер напряженно сидела в его руках, щелкая ушами, и затем прошептала:

— Их двое. Один слева, один справа.

— Всего двое? — прошептал он в ответ.

— Там есть что-то, преграждающее путь, возможно бочки. Используй коробку для сигарилл.

Он опустил Эстер на землю, запустил руку в карман жилета и достал коробку, в которой держал свои тонкие сигареты. Выбросив последние три, он опрокинул коробку, придерживая крышку. Ли наполировал внутреннюю часть до яркого блеска, пока она не стала отражать почти так же хорошо, как зеркало.

Этаж выше был примерно в футе или около того над головой: тяжелые сосновые доски с железной окантовкой по краям и поручни по бокам открытой лестницы.

Осторожно ступая каждый следующий шаг, низко пригнувшись, Ли очень медленно поднял оловянную коробку за самой близкой колонной и наклонил её таким образом, что смог увидеть все пространство в правом углу, откуда стреляли. Там никого не было, но, возможно, враг спрятался за рядом тяжелых бочек; по сути, там было даже два ряда, один на другом, отделенные поддонами.

Ли хорошо знал, как небольшое движение привлекает внимание наблюдателя, и поэтому прилагал нечеловеческие усилия, чтобы двигаться медленно. Он повернул коробку, чтобы увидеть другой угол. Там было пусто, если не считать какого-то аппарата под брезентом, и Ли смог ясно рассмотреть бандита, стоящего за ним, его винтовка была направлена всего немного выше того места, где стоял аэронавт. Это был не МакКонвилл.

Каменные колонны, удерживающие крышу — их было шестнадцать, каждая приблизительно два фута в

диаметре — были равномерно распределены вдоль комнаты в два ряда, один недалеко от задней стенки, а другой почти возле входа. Ли вычислил, что если бы смог достигнуть ближайшей к лестнице колонны, то был бы в состоянии укрыться за ней, имея дело с первым бандитом; но это все еще не защищало аэронавта от МакКонвилла, и тот мог свободно выстрелить ему в спину. Ситуация была действительно безнадежна, и Ли не должен был в неё ввязываться.

По сути, это изрядно напоминало любую ситуацию, в которой аэронавт когда-либо был. «И я все еще здесь», — подумал он, и Эстер задергала ушами. Он засунул коробку из-под сигарилл обратно в карман.

И тут снизу донесся громкий лязг большой стальной двери, отодвигаемой с пути, и под прикрытием шума Ли надежно сжал винтовку и помчался вверх по ступенькам так быстро, как мог, а затем кинулся в поисках убежища к ближайшей колонне.

Его уши были полны шума выстрелов со всех сторон, и эха от голых каменных стен. Он достиг колонны и укрылся за ней.

Это была третья колонна с конца на этой стороне. Покрытая брезентом машина, за которой скрывался бандит, была где-то в середине дальней стены, и была немного меньшей высоты, чем человек; это означало, что стрелок должен все время приседать: не самая удобная позиция для длительной обороны. Лучший способ справиться с ним, если бы бандит был один, состоял в том, чтобы ждать, пока он не двинулся, в конечном счете, стрелок вынужден будет выглянуть, и будет убит одним метким выстрелом.

Но позади Ли, в дальнем конце склада, у МакКонвилла были отличное укрытие и четкая линия огня. Если у него был только револьвер, то это было бы совсем неплохо, но выстрелы очень походили на винтовочные, и Ли, прижавшись к колонне спиной, почувствовал, пули, осыпавшие его узкое убежище. Второй раз МакКонвилл из винтовки не промахнется.

Первый залп закончился.

Ли побежал снова, мимо второй колонны, к первой — немного дальше от МакКонвилла, немного более безопасно, так как угол сократился; и ближе к другому мужчине, плечо которого — это было оно? — как заметил Ли, недостаточно хорошо скрыто.

Он поднял винтовку. В тот же момент, как Ли спустил курок, МакКонвилл закричал: "Дак!"

Но было уже слишком поздно, и пуля достигла цели. Раздалось ворчание, глухой стук упавшей винтовки, затем тяжелое дыхание, и вновь наступила тишина.

Ли посмотрел на брезент и рассчитал: пять длинных шагов, справа налево, в зоне обстрела МакКонвилла, примерно полторы секунды. Это вполне возможно.

Так оно и получилось. МакКонвилл дважды выстрелил и промахнулся, но Ли был уже около аппарата и нашел другого бандита. Тот лежал на спине, оружие валялось в нескольких шагах поодаль — он не мог подобрать его, а глаза на бледном лице горели. Лужа крови росла вокруг, словно медленно раскрывающийся красный флаг. Его деймон-кошка, дрожа, сидел рядом.

— Ты сделал меня, — сказал бандит голосом призрака.

Ли ответил:

— Да, вы потеряли много крови. Считать я умею. МакКонвилл здесь?

— Мортон. Не МакКонвилл.

— Это не имеет значения. Какое у него оружие?

— Идите в задницу.

— О, вы хороший человек. Теперь заткнитесь.

Все еще не поднимаясь во весь рост, Ли обыскал бандита, чтобы удостовериться, что у него нет другого оружия, а затем переключил свое внимание на другую сторону склада. С одной стороны, не имеет значения, будут ли они с МакКонвиллом прятаться друг от друга целый день. Капитан Ван Бреда может загрузить свой товар и без выстрелов, и выйти сухим из воды. Но с другой стороны рано или поздно либо Ли, либо МакКонвилл вынуждены будут двинуться, и первый, кто это сделает, вероятно, умрёт.

Внезапно раздалась очередь выстрелов. Пули попали в стену позади Ли и в покрытый брезентом аппарат перед ним. Еще две или три попали в колонны и отлетели к углам.

И в середине этого залпа Ли — надежно укrywшийся за аппаратом — внезапно упал на пол от нахлынувшей тошноты и головокружения. В него попали? Был ли он ранен? Это было странное ощущение — но затем он

вновь почувствовал ужасный приступ тошноты и увидел Эстер, схваченную рукой раненого бандита. Тот схватил её за горло. Ли задыхался вместе с ней, но оскорбление — рука незнакомца на его деймоне! — было хуже.

Аэронавт с трудом поворачивал свою винтовку до тех пор, пока она не была направлена прямо на негодея, и убил его.

Эстер сразу же прыгнула в объятия Ли, он никогда не чувствовал, чтобы она дрожала так сильно.

— Ладно, девочка, все закончилось, — прошептал он.

— Пока нет, — возразила она. — Там еще МакКонвилл.

— Ты думаешь, я забыл о нем, глупый кролик? Мерзавец получит по заслугам.

Он потер её уши большим пальцем и мягко опустил деймона на землю. Затем очень осторожно выглянул и оглядел пространство вдоль колонн, до самых рядов бочек в другом конце пустого этажа. Никакого движения.

Но Ли осознал с небольшой вспышкой надежды, что МакКонвилл не только жесток: он также и глуп. Умный мужчина не выдал бы себя, не стрелял, застыл бы подобно камню, пока его сообщник не убил бы Ли, либо не был бы убит сам. Если бы Ли преуспел в этом, то, возможно, думал бы, что опасность миновала, и МакКонвилл легко подстрелил бы его. Вместо этого, что сделаешь с дураком, бандит выдал себя. Таким образом, у аэронавта все еще оставался шанс.

Эти колонны... два ряда, по восемь в каждом, равномерно распределены по всей длине здания, спереди и сзади. Когда Ли смотрел с левой стороны переднего ряда, вдоль окон, он мог видеть почти всю комнату, пустую от её середины и до нагромождения бочек; но когда он смотрел вдоль правой стороны, то мог видеть только узкий проход между передней стеной и колоннами, вплоть до боковой стены в дальнем конце.

В свою очередь, это значило, что у МакКонвилла будет такой же обзор. Если бы Ли прошел между рядом колонн и передней стеной, то был бы невидим для другого мужчины, по крайней мере, на части пути.

Это была наилучшая возможность. Он посмотрел на Эстер, и она махнула ушами: готова. Ли быстро наполнил магазин винчестера (какое же все-таки прекрасное оружие), и выбежал из убежища, стараясь не шуметь, настолько, насколько это было возможно в кожаных сапогах на деревянном полу.

Первые три-четыре колонны он благополучно минул незамеченным и уже готовился выстрелить, когда что-то мелькнуло в дальнем конце комнаты. Он приблизился к своему противнику, однако опасность быть подстреленным только увеличилась благодаря увеличению угла обзора и промежутков между колоннами.

Помощи ждать неоткуда. Надо бежать. Ли остановился в последнем пункте, где все еще был полностью скрыт, напротив большой двери прямо в центре, которая была открыта — оттуда товар поступал на склад по подъемнику — а затем захватил винтовку и побежал.

И в тот же момент понял: «Моя тень, проклятье, он может видеть мою тень...»

Солнце светило в окна. МакКонвилл мог увидеть передвижения противника в любой момент; и не успел Ли понять это, как раздались два выстрела и аэронавт упал. Он был ранен, но понятия не имел куда. Ли растянулся в пространстве между второй и третьей колоннами. Собрал остатки своей энергии, аэронавт поднялся и бросился вперед, к стойке бочек. Если он будет достаточно близко к ней с этой стороны, то МакКонвилл не сможет увидеть его.

Возможно.

Он преодолел этот участок пути и свалился на пол. Эстер дрожала рядом. Ли поднес палец к губам, а он мог сделать это, потому что рука была свободна, а рука была свободна, потому что он уронил винтовку.

Она недостижимо лежала в нескольких шагах от аэронавта.

Ли сидел там, спиной к бочкам, чувствуя запах зловонного рыбьего жира и пульсацию крови в венах, слушая каждый звук, каждый скрип и щелчок, и сдерживая боль, которая бродила вокруг только и ожидая удобного момента для атаки.

Как он обнаружил несколько секунд спустя, его ранили в левое плечо. Где точно он не знал, потому что боль бесцеремонно поселилась, как хулиган, и затмевала все иные чувства; но Ли попытался шевельнуть левой рукой и счел её все еще работоспособной, хотя ужасно ослабленной. Именно поэтому он предположил, что пуля МакКонвилла не задела кость.

Проклятье, тут везде кровь. Откуда она, черт возьми, взялась? Его ранили куда-то ещё?

Он мотнул головой, чтобы отогнать эти мысли, и капли крови упали ему на лицо. В то же время, левое ухо

болело, как будто тигр откусил от него кусок, и Ли задержал дыхание, чтобы отогнать нахлынувшую тошноту. Да, ухо действительно кровоточило, в этом не могло быть сомнения. И если это самое плохое, то все гораздо лучше, чем могло быть.

На складе стояла мертвая тишина, если не считать капающей на пол крови.

Снаружи доносились отдаленные звуки работы и крик чаек.

Ли сидел, борясь с болью, с одним оружием, которое не работало, и в ярде от другого, рабочего, во все растущем зловонии рыбьего жира. Чья-то пуля, вероятно, его, пробила одну из бочек, и недалеко от того места, где он упал, равномерная струйка жира лилась вниз из верхнего ряда и медленно распространялась по полу. Еще пять минут — и Ли будет сидеть прямо в луже.

Эстер плотно прижалась к нему. Ей причиняли боль его раны, но она не жаловалась.

— Скорсби, — раздался голос с другой стороны бочек.

Ли не ответил.

— Я знаю, что ты там, чертов сукин сын, и знаю, что подстрелил тебя, — медленно продолжил грубый голос. — Конечно, я не знаю, мертв ли ты, но скоро точно будешь, ты, ублюдок. Ты думал, что я не узнал тебя, когда увидел здесь? Нет никого, кого бы я забыл, однажды увидев. Ты был следующим в моем списке там, в Дакоте, лучше поверь мне. Тебе стоило увидеть, как я покончил с теми двумя маршалами, да, парень. У одного из них деймоном была змея, и когда он отвернулся, я схватил её за хвост и сломал, как чертов прутик. Ты никогда не видел человека, так внезапно принявшего смерть. Это было у Шайеннской реки. И это оставило другого маршала один на один против Пьера МакКонвилла. У него не было шансов, Скорсби, подумай об этом. Я могу бодрствовать дольше любого другого. Он пытался подождать, пока я засну, но, в конце концов, сам попал в сладкие руки дремоты. Сосунок думал, что надежно связал меня, но ничто не может держать МакКонвилла в заточении. Не для этого мне дана сноровка. Я вырвался из пут и стегал этого сукина сына по рукам и ногам вместе, а после взял его деймона и привязал к его же лошади, непривязанной лошади. О да! Это было забавно. Он проснулся и увидел свое ужасно затруднительное положение, пытался говорить: «Эй, Саншайн, хорошая лошадь, не двигайся, ну же, ты, немая тварь, пожалуйста, пожалуйста, не двигайся». Пока эта лошадь не ушла слишком далеко, он все еще мог жить, но если бы что-нибудь взбрело этой твари в голову, и она побежала, ну, в общем, бум, то, что надо. Как рука, проникающая под ребра и чувствующая твое сердце, все еще бьющееся, и тянущая, тянущая его, пока последние нити и вены полностью не лопнут и не останутся в руке. Да, скажу тебе, смерть тогда будет подарком. А после я взял его оружие и выстрелил в воздух, от этого лошадь полетела, как пушечное ядро. Ты никогда не слышал крика, подобного крику того маршала.

Да, и я собираюсь сделать то же с тобой, Скорсби. Там за дверью есть подъёмник с веревкой. И я собираюсь сыграть с его помощью одну шутку. Я буду долго играть с тобой и твоим тощим американским зайцем.

Лужа с рыбьим жиром всё росла. Теперь она была достаточно близко к Ли, на расстоянии вытянутой руки, а затем он увидел взгляд Эстер в том же направлении. Этот взгляд перекинулся на него, а после на пистолет, и аэронавт сразу понял, что она имеет в виду.

МакКонвилл все еще говорил, но Ли уже не слышал его, потому что с бесконечной осторожностью вынул пистолет из кобуры. Держа его на коленях, он обмакнул палец в лужу масла и смазал сначала затвор, потом спусковой механизм, а после и цилиндр. Держа ствол так твердо, как позволяла ослабленная левая рука, он очень медленно начал поворачивать цилиндр правой и почувствовал, что тот крутится. Он попытался оттянуть затвор: тот сначала поддавался с трудом, но затем пошел свободно. Ли удостоверился в наличии патрона и продолжил сидеть, но уже с пистолетом наготове, ожидая конца разговоров МакКонвилла.

— Ну, Скорсби, сейчас я тебя убью. Это конец. И он обещает быть длинным и мучительным. Тот, другой маршал, умирал добрые полчаса, это я могу утверждать, поскольку следил за временем по его же часам. Думаю, что мог бы позволить тебе прожить чуточку дольше. Все зависит от того, насколько громко ты кричишь.

Ли услышал звук человека, встающего на ноги, и тяжелый кашель, как будто от боли. Таким образом, он был ранен!

И Эстер насторожилась, поскольку и она, и Ли, услышали другой звук: скольжение тела змеи по деревянному полу, и слабый глухой щелчок. Деймон МакКонвилла, желая поскорее начать попытку, перемещался впереди.

А затем где-то в шести футах от них, в конце ряда бочек, появилась голова змеи — и Эстер тут же прыгнула и схватила её.

Она ухватила её немного ниже головы и сильно укусила змею. Ли чувствовал каждую дрожь ее мускулов, и сжал зубы вместе с ней.

У МакКонвилла вырвался крик гнева и боли, он упал на пол за бочками. Не в состоянии двинуться, Ли наблюдал разъяренную борьбу между длинной, бешено извивающейся змеей и небольшой сосредоточенной крольчихой Эстер, её когти ломались, когда она пыталась удержаться на деревянном полу. У Эстер не было никакого преимущества — ни хорошей опоры, ни эластичных прутьев шалфея — только гладкие доски, и у маленького кролика была только половина веса змеи; Ли мог чувствовать всю разъяренную мощь деймона МакКонвилла, когда змея бросалась то влево, то вправо, пытаясь высвободить шею от зубов Эстер.

— Продолжай, девочка, — прошептал Ли. — Держи её, солнышко... — И она потянула, она сжала дрожащую челюсть, она царапалась и скользила, но снова вонзалась и снова тянула, все дальше и дальше, и постепенно отделила деймона МакКонвилла от него.

Крики МакКонвилла были отвратительны. Он карабкался по полу — Ли слышал скольжение его ботинок, царапанье его ногтей — его крики и рев, отражались от стен до тех пор, пока воздух не наполнился шумом, а затем, совсем обессилевший, Пьер показался из-за бочек, и Ли выстрелил.

МакКонвилл откатился назад, к окну, и заскользил по полу. Его демон осел и ослаб во рту Эстер, но та продолжала тащить, теперь это стало еще легче, а МакКонвилл умолял: «Нет, нет, не делай этого — проклятая сука кролика...»

Его лицо было цвета грязной бумаги. Рот стал похож просто на красное отверстие, а глаза расширились.

— МакКонвилл, — сказал Ли, — Ты стрелял в Майка Мартинеса и Бродуса Винсона из укрытия, как трус, а затем заставил молодого Джимми Партлетта драться, потому что тот не хотел, чтобы все думали, что он трус. Ты — грязный ублюдок, и это твой конец.

И Ли прострелил мужчине сердце. Его демон исчез, а Эстер вернулась назад к аэронавту, который схватил и поцеловал её. Он держал её до тех пор, пока она не перестала дрожать.

— Нам лучше идти, Ли, — прошептала она. — У нас есть приблизительно десять секунд до того, как мы будем сидеть в луже с рыбьим жиром.

— И теперь у нас будут проблемы, Эстер, — пробормотал Ли, изо всех сил пытаясь подняться, и как раз вовремя.

Он осторожно пошевелил левой рукой и обрадовался, по крайней мере, тому, что все еще мог это сделать. Затем сунул пистолет в кобуру и пошел за винтовкой.

После Ли выглянул из окна и увидел команду судна, задраивающую передний трюм, таким образом, они, должно быть, загрузили товар. Но один мужчина лежит мертвый на палубе, под листом брезента, а поблизости, на причале, толпа, возглавляемая Поляковым, подавлялась Йорекком Бирнисоном, который стоял на каменных плитах и сдерживал их. Поляков обращался к толпе; Ли мог услышать звук его голоса, но разобрать слова не представлялось возможным. Аэронавт предположил, что мэр пытается заставить их набраться смелости и напасть на шхуну, но медведь остановит и более безумную, более храбрую толпу, чем эта.

Ли даже мог услышать пыхтение вспомогательного двигателя шхуны и видеть, что из выхлопной трубы посередине судна валит дым. Она была почти готова отплыть.

Он аккуратно спустился вниз по лестнице. На первом этаже он увидел хаос: порванные связки кожи, сломанные балки и доски и большой стальной лист двери, плашмя развалившейся у входа.

Ли вышел наружу и пробился к медведю.

— Ну, Йорк Бирнисон, проблема наверху решена, — сказал он.

Голова медведя повернулась, чтобы посмотреть на него, черные глаза, пылали под большим железным шлемом.

И тут голова Ли затуманилась, и он на мгновение потерял сознание, но медведь молниеносно схватил пальто зубами, и мягко вернул аэронавта в вертикальное положение.

А затем все стало запутываться.

Там кто-то кричал из толпы, или голос доносился из-за них? Так или иначе, громкие голоса ревели команды, а после раздалось дисциплинированное и быстрое трам-трам-трам ног, бегущих в тяжелых ботинках по причалу. Позади Ли услышал всплеск, повернулся и увидел, как защищенная шлемом голова медведя появляется из воды и стремительно движется.

Но он должен был снова обернуться, потому что сердитый голос крикнул:

— Вы! Бросьте оружие! Сейчас же бросьте!

Теперь Ли понял, что это люди в униформе Ларсен Мангэнез, которые стояли уже во главе толпы с

винтовками наготове, они напоминали расстрельную команду. Поляков благополучно стоял позади них, одобрительно хмурясь.

Ли чувствовал, что не в силах расстаться с этим замечательным оружием и уже собирался сказать это, но тут в этом беспорядке случилось что-то еще. Другой голос, за аэронавтом, произнес:

— Мистер Ли Скорсби, вы арестованы.

Осторожно, чтобы не упасть, Ли развернулся еще раз. Говорил один из трех мужчин: молодых, вооруженный пистолетами и в другой униформе.

— Позвольте, а вы кто еще такой? — удивился Ли.

— Не обращайтесь внимания! — завопил лидер Ларсен Мангэнез. — Делайте, как я говорю!

— Я лейтенант Хоглэнд. Мы из Управления таможи и доходов, мистер Скорсби, — спокойно объяснил молодой человек, — и я повторяю, вы арестованы. Бросьте винтовку.

— Ну, вы видите, — сказал Ли, — если я сделаю это, то Сенатор внезапно расхрабрится и прикажет, чтобы его марионетки пошли и потопили судно капитана Ван Бреда. А ведь мы с Йорком Бирнисоном пришли сюда, чтобы помочь ему загрузить товар, какая жалость. Я не знаю, как разрешить эту ситуацию, господин таможенник.

— Я разрешу её. Бросьте винтовку, пожалуйста.

Молодой офицер прошел мимо Ли и остановился прямо против линии стрелков.

— Сейчас вы все покинете гавань и займетесь вашими законными делами, — сказал он, достаточно громко, чтобы все услышали. — Если хоть один из вас будет на пристани к тому времени, как часы таможи пробьют двенадцать, то он будет арестован. Все вы уходите.

Мужчины Ларсен Мангэнез выглядели неуверенно. Но Поляков, все еще стараясь оставаться позади них, закричал:

— Я возражаю! Это произвол! Я лидер политической партии, и это — явная попытка нарушить мою свободу слова! Вы должны отвечать за соблюдение закона, а не пренебрегать им! Этот уголовник, Скорсби...

— Мистер Скорсби под арестом, и вы также будете, если не развернетесь и не покинете порт. У вас есть две минуты.

Деймон-лиса лейтенанта Хоглэнда что-то тихо сказал Эстер. Поляков выпрямился во весь рост и сдался.

— Очень хорошо, — обиженно сказал он. — Сильно протестую против обмана и несправедливости правосудия, которое мы имеем право ожидать и даже обязаны требовать, мы сделаем, как вы сказали. Но я хочу заметить, что ...

— Меньше чем две минуты, — прервал кандидата Хоглэнд.

Поляков развернулся, и толпа расступилась, чтобы пропустить его, а после угрюмо последовала за ним. Стрелки Ларсен Мангэнез остались последними, но непримиримая неподвижность таможенника смущала их, и, наконец, лидер пробормотал приказ, они развернулись и пошли обратно по причалу, пока тот не отдал другой приказ, и они неуклюже повернули с причала и зашагали прочь.

— Мистер Скорсби, вашу винтовку, пожалуйста, — сказал молодой человек.

— Я отдал бы её капитану Ван Бреда, — ответил Ли, — ведь она принадлежит ему.

Он услышал поспешные шаги позади, снова аккуратно повернулся и увидел, что капитан спешит к ним. Он, очевидно, услышал последнюю фразу, потому что сказал:

— Мистер Скорсби, я должен отблагодарить вас, но не имею ничего, чтобы заплатить, кроме самой винтовки. Примите её, пожалуйста. Она ваша.

— Очень красивая, капитан, — с радостью согласился Ли. — Я с благодарностью приму её.

— А теперь бросьте её, — сказал Хоглэнд.

Ли нагнулся, чтобы положить оружие на землю.

— И ваш пистолет.

— Он не работает, — возразил Ли.

— Работает. Бросьте его.

Ли подчинился, а затем выпрямился, чувствуя головокружение. На мгновение звуки гавани отступили: крик чаек, громкие голоса с угольного танкера и с крана на другой стороне, всплеск землечерпалки, удары часов на таможене; и затем показалось, как будто темное облако возникло из ниоткуда и затмило солнце, потому что цвет пропал из мира, всё потускнело.

Это продлилось всего секунду, так как Ли нашел опору в руке другого офицера и снова пришел в себя.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — сказал офицер, и быстро направился к концу причала. Поскольку Ли

находился лицом к шхуне, то мог видеть, что команда исправляла накренившуюся мачту, какой-то мужчина сбрасывал веревку, а капитана Ван Бреда бежал по лестнице и в спешке раздавал команды.

— Куда мы идем? — спросил Ли. — Я думал, что ваша таможня в другой стороне.

— Да, — кратко ответил лейтенант и этим ограничился; но когда они минули последний склад, Ли увидел катер, привязанный недалеко от лестницы, раскрашенный в цвета таможни, белый и синий. Двигатель спокойно пыхтел, и матрос туго натянул канат, продетый через кольцо в стене, чтобы удержать катер в устойчивом положении, поскольку первый офицер ступил на борт.

Ли присел, чтобы подобрать Эстер, и та прошептала: «Всё в порядке, Ли. Всё прекрасно».

Глубоко озадаченный, он ступил на катер и сел в небольшой каюте, как и другие два офицера.

Моряк отдал концы, и один из офицеров сел за руль и дал газ. Ли оглянулся на шхуну, нос которой был уже далеко от причала.

Молодой офицер положил пистолет Ли и винчестер на скамье напротив аэронавта, он, вполне возможно, легко достиг бы любого из них. Он сидел тихо и не двигался, прижав Эстер к груди, пока катер минул экскаваторное судно, обогнул маяк, и стал бодро покачиваться на волнах в открытом море.

— Ладно, я сдаюсь, — не выдержал Ли. — Что, черт возьми, происходит?

— Мистер Скорсби, пожалуйста, возьмите свой пистолет, — спокойно ответил Хоглэнд. — И, я полагаю, что винтовка теперь также ваша.

— Наверное, я сплю, — сказал Ли. Он взял револьвер и крутанул цилиндр, тот бежал ровно и уверенно — Куда мы плывем и почему?

— Мы идем вокруг мыса, на базу компании Баренцева моря, где вы найдете свой воздушный шар надутым и готовым к полету. Здесь, между прочим, ваш багаж из пансиона.

Он достал сумку Ли из шкафчика. Слишком ошеломленный, чтобы еще чему-то удивляться, Ли только молча кивнул и взял её.

Офицер за штурвалом изменил курс и катер запрыгал на волнах в ожившем море. Ли наблюдал скалистый берег, и заметил, что из воды вдруг появился тюлень, а затем еще и еще.

— Они бегут от медведя, — пояснил Хоглэнд.

— Где он?

— На пути к складу. Пока его не интересуют тюлени. У него есть кое-что для вас.

— Ну, это — чертовски удивительное утро, — сказал Ли.

— Дело вот в чем, мистер Скорсби: борьба продолжается по всем северным землям, на которых этот небольшой остров — микромир. С одной стороны, есть очень неплохие гражданские институты, такие как Управление таможни и доходов, а с другой, безудержная власть крупных частных компаний, таких как Ларсен Мангэнез, которые все больше управляют общественной жизнью, хотя и не имеют никакой формы демократической санкции. Если господин Поляков победит на этих выборах, то сделает жизнь легче для Ларсен Мангэнез и их соратников, но хуже для людей Нью Оденсе.

— Я думал, что он проводит кампанию против медведей, — возразил Ли. — Я думал, что его кампания базировалась именно на этом.

— Он хочет, чтобы простые люди так и думали.

— О, — понял Ли. — Простые люди, да. Как же я поддался на эту уловку.

— До сих пор он делал все возможное, чтобы не выходить за пределы закона, но попытавшись лишить капитана Ван Бреда его груза, он зашел слишком далеко. Тот, кто нанял тех бандитов, конечно же, тоже совершил преступление, но я не сомневаюсь, что доказать любую связь с Поляковым будет невозможно. Я даже уверен, что его адвокатам удастся переубедить суд и оправдать свои действия относительно груза. Короче говоря, мистер Скорсби, мы благодарны вам за то, что вы взялись за эту неприятную проблему. Ваши действия были еще более благородны потому, что у вас не было никакого личного интереса.

— Ну, это было делом чести, — смущенно ответил Ли.

— В любом случае, как я уже говорил, мы премного благодарны. Вы найдете воздушный шар полностью готовым, да еще и подоспел хороший восточный ветер.

Ли посмотрел вперед через забрызганное окно каюты. Они быстро приближались к молу, защищающему базу, и Ли увидел свой воздушный шар, как молодой человек и обещал, он был уже надут и покачивался на ветру.

Это было что-то вроде «Большое спасибо, счастливого пути, и не возвращайтесь», — подумал Ли.

Поскольку катер обогнул мол и замедлился в спокойной воде, Ли снова начал ощущать под пальто страшную боль в плече. Оно чертовски ныло, но, насколько он мог судить, никакого серьёзного повреждения не было. Что касается уха, то оно также болело; там было что-то вроде укуса — сформированный промежуток, размером с палец, и он все еще кровоточил.

— Прежде, чем вы поместите меня в воздушный шар, отпустите веревку и помашете на прощание, — сказал Ли, — я могу где-нибудь подлечиться? Я полагаю, что вы не будете возражать, если я залатаю отверстия, которые, кажется, приобрел?

— Никаких возражений, — сухо ответил Хоглэнд.

Офицер за штурвалом убавил газ и аккуратно притормозил около деревянного причала. Мгновение спустя катер остановился, и Ли встал, чтобы проследовать за офицерами таможни на берег.

Там, вокруг базы компании, скопилось достаточно много невысоких зданий, и первым делом мужчины повели Ли расписаться за возврат воздушного шара. Клерк, видимо, ждал его, потому что совершенно не удивился.

— Значит, вы все-таки нашли, с кем подраться, — весело подмигнул он.

Ли заметил, что плата за хранение уже была внесена, более того, счет за газ был также оплачен. Он без единого слова поставил подпись внизу бумаги; он просто не мог ни о чем сейчас думать.

— Сюда, мистер Скорсби, — сказал лейтенант.

Он привел Ли к уборной, где аэронавт, преодолевая боль, разделся до пояса, как мог привел себя в порядок и с помощью Эстер исследовал повреждение. Он был рад видеть, что пуля МакКонвилла прошла его мускулистое плечо насквозь; конечно, она могла бы задеть кость по пути, но, по крайней мере, ему не нужно доставать проклятую пулю. Что касается уха, то с ним дела обстояли гораздо хуже. Но он все еще слышал им.

— Как бы то ни было, все это не слишком привлекательно, — сказала Эстер.

— О, это самое привлекательное приключение, которое у меня когда-либо было, — возразил Ли.

Офицер постучал в дверь:

— Мистер Скорсби, — позвал он, — тут есть медик, который хочет взглянуть на вас.

Ли открыл дверь, ощутил приятное дуновение свежего ветра и увидел улыбающегося лейтенанта Хоглэнда, стоящего на пепельной дорожке рядом с Йореком Бирнисоном.

У медведя во рту был какой-то темно-зеленый пучок, который он передал в руки офицера.

— Кровяной мох, — пояснил он. — Позвольте мне взглянуть на раны.

— Поистине замечательная вещь, — сказал офицер в то время, как Ли направился показать медведю свое плечо. — Его антисептические и болеутоляющие свойства превосходят все препараты в наших больницах.

Йорек взял несколько пучков мха и медленно их разжевал. Образовавшуюся кашицу он опустил в правую руку Ли.

— Приложите это к ране и перевяжите, — сказал он. — Она быстро заживет.

— Спасибо, очень любезно с твоей стороны, Йорк Бирнисон, — пробормотал Ли. — Я ценю это.

Он плотно прижал сырой мох. Лейтенант оторвал полосу клейкой ленты и обвязал рану, после чего Ли начал натягивать рубашку.

В то время, как его голова все еще скрывалась под ней, аэронавт услышал быстрые шаги и голоса других людей: один из них он узнал. Ли на секунду застыл в раздумьях, но затем быстро натянул рубашку и увидел фигуру в темном костюме, поэта и журналиста Оскара Сигурдссона с блокнотом в руке, он нетерпеливо говорил с лейтенантом.

— ... и мне пришло в голову, что - Ах! Герой собственной персоной! Мистер Скорсби, я поздравляю вас с этим чудесным спасением! Для вас не было бы затруднительным дать мне интервью насчет этого замечательного эпизода?

Ли осмотрелся. Причал был всего в нескольких ярдах отсюда.

Он ответил:

— Да, конечно же, мистер Сигурдссон, но я думаю, что нам нужно сделать это наедине. Идите за мной.

Он двинулся вперед, а за ним нетерпеливо побежал Сигурдссон. Когда они достигли конца причала, Ли указал на море.

— Вы видите то пятно на горизонте? Это может быть кораблём?

Сигурдссон внимательно присмотрелся.

— Я думаю да... — начал он, но не успел закончить, потому что Ли ступил позади него и сильно ударил поэта по опорной ноге. С тревожным криками Сигурдссон рванулся вперед и, размахивая руками, упал в море.

Ли вернулся к уборной и сообщил:

— Мистер Сигурдссон, кажется, упал в воду. Возможно, ему необходимо подать руку. Я сам помог бы ему, но, к сожалению, не здоров.

— Я думаю, вам очень повезло, что вы улетаете, мистер Скорсби, — с улыбкой сказал Хоглэнд. — Петерсен! Вытащите поэта на берег и приведите в чувство, пожалуйста.

Другой мужчина подбежал к краю причала со спасательным кругом, но прежде, чем Ли увидел спасенного Сигурдссона, раздались звуки новых шагов, на сей раз куда-то торопившихся; и пока Ли надевал пальто, из-за угла здания прибыл другой его знакомый.

— Мистер Васильев! — обрадовался Ли. — Вы пришли попрощаться?

Экономист запыхался, а его глаза беспокойно расширились.

— Они идут сюда — люди Ларсен — и у них есть распоряжения убить вас и медведя — Поляков разъярен...

Йорек Бирнисон зарычал и повернулся к морю, но Васильев продолжал:

— У них также есть военный катер. Вам не спастись.

— Есть только один выход, — сказал Ли. — Ты когда-нибудь летал на воздушном шаре, Йорк Бирнисон?

— Йорек, — прорычал медведь. — Нет, мистер Скарсби, не летал.

— Йорек. Понял. А я — Скорсби. Но можно просто Ли. Ну, самое время, Йорек. Мистер Васильев, большое спасибо и хорошего дня.

Он обменялся рукопожатием с экономистом, и офицер сопроводил Ли и медведя к воздушному шару, который дрожал, с нетерпением ожидая освобождения от привязи и взлета к небу. Ли проверил детали: все было в хорошем состоянии.

— Пора, — сказал Хоглэнд, и пожал аэронавту руку. — О, возьмите вашу винтовку.

Он вручил Ли винчестер, а тот принял его с нескрываемым удовольствием; казалось, что это оружие сделано специально для него. Он обернул её в клеенку прежде, чем тщательно спрятать в гондоле.

— Ты готов, Йорек? — спросил он.

— Все это очень странно для меня, — ответил медведь. — Но я доверяю вам. Вы — человек Арктики.

— Я? Как это?

— Ваш демон — арктический заяц.

— Какой? — ошеломленно спросила Эстер. — Я думала, что я чертов кролик!

— Арктический заяц, — отрезал Йорек, и Хоглэнд кивнул.

Ли был столь же поражен, как и его деймон, но времени на обсуждение этого вопроса не было. Йорек перевалился через край, в просторную гондолу, в то же время удостоверившись в её прочности, а затем и Ли присоединился к нему.

— Лейтенант Хоглэнд, я обязан вам, сэр, — сказал он. — Но до сих пор не понимаю, как вы узнали, кто я, и где остановился.

— Вы можете благодарить мисс Викторию Ланд, — ответил лейтенант и продолжил: — с которой, с сегодняшнего дня, я имею честь быть помолвленным. Она сказала мне, что вы были очень добры к ней.

Ли снял шляпу и почесал голову, а затем вернул её на место, при этом сильно натянув на глаза: он покраснел.

— Пожалуйста, эээ, передайте мою благодарность мисс Ланд, — пробормотал он. — Поздравляю вас с помолвкой, сэр. Мисс Ланд — замечательная девушка.

Он не осмеливался смотреть на Эстер.

— Хм, — продолжил он. — Ну, давайте улетать. Йорек, я нуждаюсь в двух руках и поэтому тебе, возможно, придется немного помочь мне, пока кровавой мох не сделает свое дело. Ну а теперь держись!

Он отпустил трос, и воздушный шар метнулся вверх с немного наглой уверенностью человека, который знал, куда шел, и стремился добраться туда как можно быстрее. Шар в этот момент очень напоминал живое существо. Ли любил этот первый порыв скорости, и Эстер тоже.

Он проверил все свои инструменты и осмотрел небо, а затем опустил взгляд вниз, на быстро уменьшающуюся землю. С помощью бинокля Ли разобрал небольшую дрожашую фигуру, обернутую в одеяло, на причале. По дороге из города колонна броневых автомобилей двигалась к складу, а в воде в том же самом направлении с большим количеством роскошных брызг двигался военный катер.

Еще дальше он увидел шхуну, только огибающую маяк. Команда подняла паруса, и судно словило сильный

восточный ветер, который помогал и воздушному шару.

Йорек уселся на дно корзины и все еще не двигался. Вначале Ли подумал, что он спит, но мгновение спустя понял, что огромный медведь просто боится.

— Ты думаешь, молодой лейтенант Хоглэнд будет иметь дело с теми бандитами Ларсен Мангэнез? — поинтересовался Ли, чтобы хоть как-то отвлечь его; на самом деле он не сомневался в ответе.

— Да. Я высокого мнения о нем.

Ли подумал, что уважение медведя очень ценно для кого бы то ни было.

Эстер подошла поближе к голове медведя и остановилась, чтобы тихо поговорить с ним. Ли предоставил её самой себе, и проверил барометр, газовый манометр и компас, который вновь ничем не мог помочь ему в этих широтах; а затем вынул винтовку, полностью осмотрел её, очистил, и смазал новой порцией машинного масла, которое к своему глубочайшему удивлению обнаружил в комплекте инструментов. Он снова тщательно завернул её, прежде чем накрепко привязать к подпорке. Он извлек урок; теперь аэронавт на протяжении всей своей жизни хорошо заботился о ней, и тридцать пять лет спустя винчестер был в его руках, когда он умер.

Осматривая свою противоестественно опрятную гондолу, он обнаружил какие-то аккуратно завернутые пакеты в шкафчике правого борта и открыл их. Там он нашел хрустящие хлебцы ржи и твердый сыр. Только тогда он вспомнил, что очень голоден.

Некоторое время спустя, когда они уже были высоко в синем небе, и все было хорошо, Ли открыл свою сумку, чтобы вынуть теплый жилет. Его одежда была более аккуратно свернута, чем когда бы то ни было, а сверху красовалась веточка лаванды.

— Ну, Эстер, — сказал он, — действительно удивительный день. Как там Йорек?

— Уснул, — ответила она. — Что удивительно? То, что ты, как дурак, целовал эту лаванду, вовсе не удивительно.

— Я так не считаю. Я вполне мог оставить часть своего сердца этой девушке. Полет с медведем — вот это удивительно.

— Если бы ты бросил его там, то это было бы куда более удивительно. Ты не мог оставить его. Если бы мы не смогли взять его, то остались бы там и дрались спиной к спине.

— Ну, тогда всё в порядке. А как насчет новости, что ты — арктический заяц? По-моему, это удивительно. По крайней мере, я был чертовски удивлен.

— Удивлен? Какого черта ты удивился? Я не удивлена, — сказала Эстер. — Йорек прав. Я всегда знала, что гораздо больше, чем обычный кролик.

КОНЕЦ

